

Враг будет разбит,
победа будет за нами!

общероссийская политическая газета
издается с 25 сентября 2012 г.

Суть времени

www.eot.su

Подписаться на газету можно в ближайшей местной ячейке Движения «Суть времени»
Задать вопросы и узнать контакт ближайшей местной ячейки Движения можно
по телефону 8-800-100-97-24 (звонок по России бесплатный), podpiska@eot.su

27 ноября 2019 г.

№ 356

8 СУДЬБА ГУМАНИЗМА В XXI СТОЛЕТИИ

В аду нет места творчеству и любви. И ад при этом требует, чтобы человек сам сделал выбор, отказавшись от этого. В конце концов человек должен сам проклясть творчество и любовь. То есть сломаться. Ад — это территория сломленности

10 МИМОКРОКОДИ- ЛОВЫ СЛЕЗЫ, ИЛИ МНОГО ШУМА ИЗ ПУСТОТЫ

Герой романа уезжает в Луганск не Родину спасать или помогать людям, а просто потому, что может. Его поступок — это акт борьбы с «тоталитаризмом», который воплощен в любой политической организованности, в дисциплине, в слове «надо», в убежденности и вере

13 «КАЗАЧЬЕ ОБРА- ЗОВАНИЕ» КАК ИНСТРУМЕНТ ТО- ТАЛЬНОГО «ОКАЗА- ЧИВАНИЯ» КУБАНИ И ОБОСОБЛЕНИЯ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ ОТ РОССИИ

Краснодарский край стал местом широкомасштабного эксперимента по массовому оказыванию школьников посредством внедрения казачьего образования

15 ТОТАЛИТАРНЫЙ ПОДХОД ЕСПЧ В ДЕЛЕ «ВОЛОДИНА ПРОТИВ РОССИИ»

16 НЕПРИКОСНОВЕН- НЫЙ ХРУСТАЛЬ

«Нет, не пойдет человек нашего времени ни за один развенчанный идол с тем светлым самоотвержением, с которым шел его предок на костер за право петь псалмы, с той гордой самоуверенностью, с которой шел его отец на гильотину — за единую и нераздельную республику»

О коммунизме и марксизме — 148

Рокуэлл Кент. Мировая скорбь (Weltschmerz). Ок. 1946

Знакомясь с рассуждениями Герцена, убеждаешься, что многое повторяется. Сейчас критики сообщества так называемых новых русских, пугающих Запад своим безудержным хулиганством, часто сетуют на утрату дореволюционного русского «золотого века» и восхищаются тогдашним просвещенным благородным сословием, которое, конечно же, никоим образом не смущало своим поведением элитных западных собратьев. А вот что по этому поводу пишет Герцен, лицезревший тогдашнее элитное русское хулиганство, которое, если верить его суждениям, не так уж сильно отличается от нынешнего.

«Кабачковая оргия нашего разврата, — пишет Герцен в 1862 году, опровергая нынешние сюсюканья по поводу тогдашней благопристойности высшего имперского российского сословия, — имеет характер какого-то неустоявшегося, неуравновесившегося брожения и беснований; это горячка опьянения, захватившая целое сословие, сорвавшееся с пути, без серьезного плана и цели...»

Далее Герцен пишет, что эта хулиганская горячка опьянения, охватившая элиту Российской Империи «не имеет еще той в глубину уходящей, той из глубины поднимающейся, тонкой, нервной, умной, роковой безнравственности, которыми разлагаются, страдают, умирают образованные слои западной жизни».

Не ощущать особой актуальности этих герценовских суждений могут только те, кто совсем не знает нынешний элитный Запад и потому не понимает, чем он отличается от наших бандитствующих миллиардеров.

Между тем это отличие огромно и сокрушительно. Нынешнее внешне пристойное поведение западных элитариев содержит в себе многообещающую внутреннюю скверну, которая еще намного ядовитее, подлее, патологичнее, чем скверна наших вестцентричных братков. Эта западная

Продолжение на стр. 2

ISSN 2500-0330

9 772500 033000

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Продолжение. Начало — на стр. 1

скверна уже породила гибель многих миллионов людей, мучительно пытающихся понять природу своих злосчастий. И как ответить им на их вопрошания?

Что сказать сербам по поводу подлинных причин, побудивших Клинтона к варварским бомбардировкам европейского государства и поддержке мутного наркопритона, восхваляемого в качестве свободного населения Косово, терзаемого ужасными сербами?

Что, если подоплекой такой бомбардировки были даже не какие-то зловещие политические соображения, а снюхивание руководства США с албанской наркомафией?

Что, если в основе очень и очень многого лежат даже не частные интересы, а те или иные патологии?

Что, если лошность западной элиты скрывает в себе неслыханную экзистенциальную и патопсихологическую скверну, которая в эпоху герценовских предчувствий готовилась излиться на мир кошмаром Первой мировой войны, а теперь беременна чем-то еще более страшным?

Можно лишь поразиться тому, как уловил эту скверну Герцен, и вслед за ним задать его вопросом о природе случившегося.

Сказав о роковой безнравственности западной элиты второй половины XIX века, Герцен далее спрашивает себя и читателя о природе этой безнравственности.

«Но как же это случилось? — пишет он с горечью. — Что за нравственный самум подул на образованный мир?.. Всё прогресс да прогресс, свободные учреждения, железные дороги, реформы, телеграфы?..»

Герцен вовсе не охаивает все эти достижения — он восхищается ими. Но при этом хочет понять, как эти достижения сочетаются с нарастанием западного элитного неблагополучия, которое не может не обернуться кровавыми гибельными конвульсиями и чем-то еще более страшным.

«В громах и ураганах, следовавших за торжественным 1789 годом, — пишет он, — завершился германо-романский мир. Землетрясения французской революции шло вершинами и пропастями, великим и страшным, победами и террором, частными обрывами и потрясениями — до 1848 года: тут аминь, *plus ultra* (то есть дальше некуда. — С.К.). Катаклизм, поднявшийся со времен Возрождения и Реформы, окончился».

Поскольку Герцен пристально всматривается во все этапы развития Запада, то его апелляции к Возрождению и Реформе вовсе не исчерпывают сути терзающих его размышлений. Но, конечно же, Великая французская революция, породившая, при всей своей яркости, очень серый тип общества, для Герцена имеет особое значение. Такие огромные обещания и такой мрачный итог — как соотносятся одно с другим? Пытаясь ответить себе на этот вопрос, Герцен пишет о том, что внутри данного мрачного итога имеет место определенное фундаментальное расслоение, никак не сводящееся к классовым различиям в постреволюционном обществе.

Вот как Герцен характеризует эту фундаментальную подспудную работу в постреволюционном западном обществе: «Внутри идет работа: микроскопическое тканье, выветривание и наносы, «мышья беготня» истории, вулканическая работа под землей, просасывание волосьяными сосудами прошлой осени в будущую весну. Вверху страшные сновидения, мертвецы в старых доспехах и старых тюрках и фантастические, несбыточно светлые образы, мучительные страдания, безумные надежды, горькое сознание своей слабости и бессилия разума. Внизу бездонная пропасть стихийных страстей доисторической сна, детских грез, циклопической, кротовой работы; на это дно и голос человеческий не доходит, как ветер не доходит до глубины морской; иной раз только слышится там военная

труба и барабан, зовущие на кровь, обещающие убийства и дающие разорение».

Но ведь не эти две силы в своем противоборстве порождают омертвление западного общества, столь тревожащее Герцена. Эти силы являются лишь оболочкой, внутри которой улавливается нечто качественно иное и главное. Что же именно?

Герцен пишет: «Между фантастами наверху и дикими внизу колеблется среднее состояние, не имея ни силы гордо сказать свое «Я царь!», ни самоотвержения идти в иезуиты или в социалисты».

Этот слой, колеблющийся между двумя нравственностями, и представляет, именно своим колебанием, ту среду порчи, о которой идет речь».

То есть нарастающая порча западной цивилизации — это именно слой, колеблющийся между двумя нравственностями, каждая из которых имеет и социальный, и культурный характер. Но возможно ли вообще существование двух или нескольких нравственностей в одном обществе?

Герцен вкладывает этот вопрос в уста своего воображаемого оппонента и тут же сам на этот вопрос отвечает. Оппонент спрашивает Герцена: «Да как это между двумя нравственностями? Что такое между двумя нравственностями? И разве есть две нравственности, разве не одна вечная, безусловная нравственность, *une et indivisible*? (единая и неделимая. — С.К.)»

Вложив этот вопрос в уста своего оппонента, Герцен далее утверждает следующее: «Абсолютная нравственность должна делить судьбу всего абсолютно — она вне теоретической мысли, вне отвлечений вовсе не существует. Нравственностей несколько, и все они очень относительны, то есть исторические».

Выдвинув такую идею, Герцен далее рассматривает ее через призму процессов, происходивших в западном обществе. Причем при этом рассмотрении он уходит на еще более глубокие исторические горизонты, нежели те, которые он обозначил, задавая период с Возрождения и Реформации до постреволюционного успокоения буржуазной Европы как единое целое.

Теперь Герцен уже не о Возрождении и Реформации говорит, а о язычестве и христианстве. Говорится следующее: «Первые христиане высказали это очень прямо, очень смело, без обиняков и, объявивши, что новый Адам принес новую нравственность, что языческие добродетели для христианина — блестящие пороки, закрыли Платона, закрыли Цицерона и пошли тащить с пьедесталей золотых Афродит, волооких Гер и другие грешные святые старой нравственности».

Плиний смотрел на них как на дураков, Траян презирал их, Лукьян хохотал над ними, а они начали новый мир и новую нравственность. Их новая нравственность в свою очередь сделалась старой. Об этом у нас только и идет речь».

Когда же эта нравственность, которая была столь новой при угасании Древнего Рима, стала не только старой, но и дряхлой? В тот самый постреволюционный период, который является для Герцена не только завершением Возрождения и Реформации, но и завершением чего-то гораздо большего. Чего именно? Герцен так отвечает на подобный вопрос.

«Революция, — пишет он, — что могла секуляризовать из катехизиса, но революция так же, как реформация, стояли на церковном погосте. У Эгмонта и Альбы, у Кальвина и Гиза, у Людвига XVI и Робеспьера были общие верования; они отличались, как раскольники, — оттенками. Вольтер, приехавший, закутавшись в шубу, в карете смотрел восхождение солнца и ставший на дрожавшие колена с молитвой на устах, — Вольтер, благословивший Франклинова внука «во имя бога и свободы», такой же богослов,

как Василий Великий и Григорий Назианзин, только разных толков. Лунный, холодный ответ католицизма прошел всеми судьбами революции и в двенадцатый час ее еще развернул хоругвь с надписью «Dio e Popolo» (Бог и народ. — С.К.)».

Постулируя сущностное единство не только протестанта Кальвина и гонителя протестантов герцога Гиза, но и сущностное единство Людовика XVI и казнившего его Робеспьера, назвав испровергателя богословия Вольтера таким же богословом, как и столпы канонического христианства, Герцен далее противопоставляет эту эпоху сущностной правды последовавшей за нею новой эпохе — эпохе лжи. Он характеризует эту эпоху так: «Кое-где на вершинах начинается заря нового дня и борется с месячным светом, обличая вопиющее противоречие веры и сознания, церкви и науки, закона и совести, но об этом на долинах не знают. Это для малого числа избранных».

Честный союз науки с религией невозможен, а союз есть; отсюда и делай заключение о нравственности, которая основана на таком союзе. Дело в том, что раз, боясь скандала, скрывает свою истину, наука скрывает свою беременность новым искупителем — не от Иеговы, а от Пана, и обе отмалчиваются, шепчутся, говорят шифрами или просто лгут, оставляя людей в совершенном хаосе сбивчивых понятий, в которых молитвы о дожде смешаны с барометрами, химия — с чудесами, телеграфы — с четками».

И это всё как-то рутинно, по привычке, верь не верь, только исполняй известные приличия. Кто обманутый? Для чего всё это? Одно обязательное правило и осталось сильным и общепринятым: думай как знаешь, но лги, как другие».

Тут главное из вводимых Герценом понятий — долина. На вершинах или в безднах творится нечто, считает Герцен. Но не это главное. Главное — всепроникающая ложь долины. Та ложь, которая и порождает всеобъемлющую скверну Запада.

«Пророки, — пишет Герцен, — могут вести народы виденьями и страстными словами, но не могут вести, скрывает дар пророчества или поклоняясь Ваалу».

Чему же дивиться, что пустота жизни растет с страшной быстротой, наталкивая людей неясным пониманием, мертвящей скукой на всякого рода безумья — от игры на бирже до игры в вертящиеся столы?»

Катастрофическое расхождение между видимостью и сущностью — вот, что волнует Герцена.

«По видимому (то есть по видимости. — С.К.), — пишет он, — всё идет в порядке: солидные люди заняты ежедневными заботами, своими делами, возможными целями, они ненавидят всякие утопии и все перехватывающие идеалы, а в сущности это не так, и сами солидные люди с своими праотцами всё, что ни выработали хорошего, выработали, постоянно идучи за радугой и осуществляя невозможности вроде католицизма, реформации, революции. Этих-то радуг больше и нет, по крайней мере оптический обман не обманывает больше».

Все прежние идеалы потухли, все до единого, от распятия до фригийской шапки».

Итак, герценовская долина — это место, в котором уничтожена вся прежняя европейская идеальность.

Далее Герцен соотносит беспокоящее его состояние Запада с тем, что описано в сочинениях немецкого писателя Жана Поля Рихтера (1763–1825), исследующего состояние так называемой «мировой скорби», в котором пребывают те, кто вынужден влачить существование, созерцая руины собственных ценностей.

«Помнишь ли ты, — спрашивает Герцен того, к кому адресует свои «Концы и начала», — ту страшную картину в ряду гениальной галлматии Ж.-П. Рихтера,

в которой он представляет... как все кающиеся народы бегут, в день Страшного суда, испуганные, к кресту, молясь о спасении, о ходатайстве Сына божия? Христос отвечает коротко: «У меня нет отца!»

Такой ответ раздается теперь со всех крестов, к которым подходят уповающие народы, измученные борьбой, измученные путем. С каждой Голгофы громче и громче раздается: «У меня нет свободы!», «У меня нет равенства!», «У меня нет братства!» И обманутая надежда тухнет одна за другой, бросая догорающие лучи на печальные образы Дон-Кихотов, упорно не желающих слышать голоса с Голгофы... Они машут людям, чтоб те шли скорее за ними, и один за другим исчезают в мгле зимних сумерек».

Герцен подробно описывает, как именно загугали все обманутые надежды и как люди обнаруживали себя в безыдеальном обществе. А поскольку для общества абсолютная безыдеальность, как считает Герцен, недопустима, то начался поиск так называемых безопасных, то есть суррогатных идеалов. Вот, что пишет по поводу этого поиска Герцен: «Но общественное брожение не настолько успокоилось, чтоб люди занялись тихо своим делом; надобно было занять умы, а без утопий, без эпидемических увлечений идеалами плохо. Хорошо еще, если б без них обманутые в ожидании народные массы только бы плеснели и загнивали на ирландский манер, как стоячая вода; а то, пожалуй, они поднимутся одичалые и попробуют своими самсоновскими мышцами — крепки ли столбы общественной храмины, к которым они прикованы!»

Где же взять безопасные идеалы?»

Герцен пытается понять, может ли западный национализм стать источником подобных безопасных — в социальном и политическом плане — идеалов, которые можно предложить с тем, чтобы каким-то образом утешить безыдеальное общество. И признается, что у него нет однозначного ответа на такой вопрос.

С одной стороны, по мнению Герцена, «воевать, за что б то ни было, надобно, иначе в этом застое нападет китайский сон — ну а его долго не разбудишь».

Сказав об этом сне, Герцен сразу же спрашивает себя: «Да нужно ли будить? В это-то и вопрос».

То-то и оно, что в этом весь вопрос. И не только в эпоху Герцена. А может, Запад как раз и хочет, причем и в эпоху Герцена, и сейчас, чтобы всеми овладел этот китайский сон? Причем однажды и навсегда?

Обсуждая запрос на китайский сон в современном ему западном обществе, Герцен пишет: «Последним могикам XVIII столетия, Дон-Кихотам революции, социалистам и долю литераторам, поэтам и вообще всяким эксцентрицистам спать не хочется, и они, насколько могут, мешают массам — заснуть. Неречистое мещанство совестится признать, что ему спать хочется, и туда же бормочет в полусне неясные слова о прогрессе, свободе...»

То есть, по мнению Герцена, китайский сон еще не стал настолько приемлем для общества, чтобы так прямо взять и предложить его всем сразу в виде желанной тихой гавани. Но коли так, считает Герцен, то есть одно лекарство от китайского сна — это война.

«Будить надобно войной, — пишет Герцен и тут же задает вопросом — А есть ли во всей оружейной палате прошлого знамя, хоругвь, слово, идея, из-за которых бы люди пошли драться, которых бы они не видали опозоренными и в грязи...»

Обозрев, что находится в том, что он назвал этой самой оружейной палатой, Герцен приходит к такому выводу: «Нет, не пойдет человек нашего времени ни за один развенчанный идол с тем светлым самоотвержением, с которым шел его

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

предок на костер за право петь псалмы, с той гордой самоуверенностью, с которой шел его отец на гильотину — за единую и нераздельную республику. Ведь он знает, что ни псалмы, петь по-немецки, ни освобождение народов по-французски ни к чему не ведут».

Далее Герцен говорит о незнакомом боге, за которого умирать нельзя до тех пор, пока он не осуществил мощную манифестацию собственной силы и правды, сказав старому миру, что его добродетели — пороки, а его истины — ложь и заблуждения.

Такого незнакомо нового бога, готового к манифестации, по мнению Герцена, миру пока не явлено. А раз так, то современники Герцена обречены лицезреть некие печальные вещи. «Да точно ли они печальны? — пишет Герцен. — И не пора ли, если б и в самом деле было так, примириться с ними? Нельзя вечно горевать о вещах, которые не в нашей воле переменить. Не лучше ли подобру да поздорову перевернуть приходо-расходные книги, достигающиеся нам по наследству и, забывая неумеренные траты и невознагражденные потери, принять с смиренным духом итог за новую точку отправления. Тоскуй сколько хочешь, делу не поможешь; мало ли кто как мог употребить свой наследственный капитал; мало ли кто что грезил, получая его, и что мы грезили за него... Симфония эройка (Героическая симфония. — С.К.) кончена, начинается деловая жизнь».

Обсуждая тот мир, который оказывается явлен после того, как надежды и идеалы рухнули, мир печальных или не очень печальных вещей, Герцен вновь странным образом актуален в том, что касается характерных черт постидеального мира.

«Мир этот, — пишет Герцен, — не боек на словах и не речист, несмотря на то, что он создал великий рычаг, стоящий рядом с паром и электричеством, рычаг афиши, объявлений, реклам, — и со всем тем он не умеет стать во весь рост, во всю толщину и громко сказать народам: «Я — альфа и омега вашего развития; идите ко мне, и я успокою вас, дам что дать можно; но перестаньте толкаться во все двери, которые вам не отпираются, — одни потому, что некому отпереть, другие потому, что никуда не ведут. Помните, наконец, что нет вам бога разве меня, и перестаньте поклоняться всем кумирам на свете и желать всяких крыльев на свете. Поймите, что нельзя проповедовать в одно и то же время христианскую нищету и политическую экономю, социальные теории и безусловное право собственности. Доселе моя власть существует как факт, но не как признанная основа нравственности, даже не как знамя, и еще хуже — меня отрицают, меня оскорбляют в церквях и академиях, в аристократических залах и сходках клубистов, в речах и в проповедях, в романах и журналах... Мне надоела роль провинциальной родни, от которой столичные фаты получают деньги и домашние запасы, но о которой умалчивают или говорят краснея. Я не только хочу царствовать, но хочу одеться в порфиру».

Может быть, во времена Герцена этот мир еще действительно не был готов встать во весь рост, уже будучи при этом не только миром пара и электричества, но и миром рекламы, афиши, то есть того, что ныне именуют пиаром.

Кстати, о пиаре. На днях я имел возможность обсудить с одним моим компетентным знакомым положение дел в нынешней российской элите. Этот знакомый сказал мне, что, по его мнению, окончательно оформились три внутриэлитных сословия: высшее, среднее и низшее.

«Высшее элитное сословие, — сказал мне мой знакомый, — ворует. Среднее элитное сословие — пиарит это воровство. А низшее элитное сословие работает. Возможности перейти из одного

сословия в другое не существует. Каждое из этих сословий — замкнутая и чуть ли не наследуемая каста».

На мой вопрос, согласится ли нижняя элитная каста с тем, что она является именно нижней, но всё же элитной, и может ли быть устойчивым такое общество, мой знакомый ответил так: «Если все заснут, то возможна временная устойчивость с последующим абсолютным и абсолютным катастрофическим обрушением. Но могут ли все заснуть?»

То есть в конце 2019 года, на уровне вполне осведомленных и весьма разумных людей обсуждается сразу всё: и этот самый китайский сон с его перспективами, и рекламоцентричность сформированной элиты. Как будто не было промежутка в 157 лет, и я разговариваю о современном обществе с современником Герцена. Вся разница в том, что мир печальных или не очень печальных вещей стал более боек на словах и речист. И гораздо более подготовлен для того, чтобы не только царствовать, но и одеться в порфиру.

Вот какие размышления, читатель, предвосхищают тот промежуточный вывод Герцена, которым так любит Мережковский, и который я предлагаю внимательно перечитать не в качестве самодостаточного тезиса, а в качестве чего-то, следующего из определенных умозаключений, чего-то, подводящего итог этим умозаключениям, притом что этот итог, конечно же, носит не утвердительный, а вопрошающий характер.

«Да, любезный друг, — пишет Герцен, — пора прийти к покойному и смиренному сознанию, что мечтательная форма западной цивилизации, ее совершеннолетие... им замыкается длинный ряд его сновидений, оканчивается эпопея роста, роман юности — всё, внесившее столько поэзии и бед в жизнь народов. После всех мечтаний и стремлений... оно представляет людям скромный покой, менее тревожную жизнь и посылит довольство, не запёртое ни для кого, хотя и недостаточное для большинства. Народы западные выработали тяжким трудом свои зимние квартиры. Пусть другие покажут свою прыть».

Итак, Герцен не считает такой итог западного развития обязательным для всех народов, включая русский. Это первое.

И второе. Считает ли на самом деле Герцен такой итог обязательным результатом развития столь любимого им Западом, ставшего по сути на колени перед богом покоя и прозябания? И да, и нет. Потому что Герцен, обсуждая меру окончательности такого итога, он же — так называемый китайский сон, пишет следующее: «Время от времени, конечно, будут еще являться люди прежнего брожения, героических эпох, других формаций — монахи, рыцари, квекефы, якобинцы, но их мимолетные явления не будут в силах изменить главный тон».

Было ли в этом смысле мимолетным видение, явленное и Западу, и миру в виде красных — марксистских, коммунистических — монахов, рыцарей, якобинцев?

С одной стороны, факт распада СССР и советского образа жизни говорит в пользу данного пророчества Герцена.

А с другой стороны...

Как бы то ни было, мы уже ощутили огромное различие между герценовским страдательным пафосом и ухмылками Мережковского, ссылающегося на чуждый ему авторитет Герцена, о чествовании которого говорил Ленин. И если мы хотим полноты понимания определенной — безусловно, красной и коммунистической, марксистской и гуманистической, но очень своеобразной русской традиции, то нам надо от этого понимания идти дальше к чему-то большему.

(Продолжение следует.)

Сергей Кургинян

ВОЙНА ИДЕЙ

Война за стратегию в семейной политике

МОСКВА, 26 ноября — ИА Красная Весна

Корреспондент обсудил лоббирование закона о семейно-бытовом насилии с протоиереем Всеволодом Чаплиным. Чаплин подчеркнул, что любой священник выступает против того, чтобы муж бил жену и детей, хотя детей в определенном периоде приходится физически сдерживать, чтобы они не совершали неправильных поступков. Протоиерей назвал возможный запрет на общение членами семьи абсурдным, пояснив, что при таком подходе даже поздравление с праздником или эсэмэска с предложением примириться может рассматриваться как нарушение запрета.

Чаплин отметил, что сторонники законопроекта выглядят уважаемыми, потому что говорят о защите женщин. Однако за этим, по мнению священника, может стоять стремление улучшения отношений с западом за счет принятия Стамбульской конвенции, что опасно. «Эта конвенция в пафосе с нынешней Конституцией — а ее нам нужно менять мирным и законным способом — привьет в России чуждую ей гендерную идеологию», — заявил Чаплин. Он подчеркнул, что целью западных фондов, которые вкладывают деньги в феминистские организации и ЛГБТ-сообщества, продвигающие законопроект, является уменьшение населения Земли, и именно этому будет способствовать объявление семьи опасным и вредным местом.

МОСКВА, 26 ноября — ИА Красная Весна

Заявление главы Совета Федерации Валентины Матвиенко о том, что мнение общественности о проекте закона о домашнем насилии уже выслушано рабочей группой Совфеда, — является бесстыдной ложью, заявили представители организации защиты семьи «Родительское Всероссийское Сопротивление» (РВС). Они отметили, что рабочая группа выслушивала только мнения «женских общественных и правозащитных организаций». Остальным организациям закон не показали, при этом Матвиенко упрекает их в том, что они закон не читали.

Также представители РВС усомнились в правдивости слов зампреда комитета ГД по вопросам семьи, женщин и детей Оксаны Пушкиной, которая заявила на своей странице в Instagram, что по состоянию на 4 октября власти подавляющего большинства субъектов России (55 из 85) ознакомились с вопросом и предложили принять закон о профилактике СБН. Однако, по данным РВС, в регионы не поступил текст обсуждаемого законопроекта. Не менее 23 регионов, ответивших на запросы РВС после 4 октября, не видели закона о профилактике СБН. 20 региональных представителей институтов УПЧ и УПР «не знают, о чем речь».

При этом в ответах десятков региональных УМВД подчеркивается, что у них «нет препятствий для исполнения законов, в том числе в сфере профилактики и защиты потерпевших» (копии — 162 ответа из 53 регионов — есть в редакции). В письме на имя руководителя РВС Марии Мамиконян от замначальника ГУООП МВД России от 15 октября 2019 года сказано: «За последние пять лет отмечается значительное снижение числа фактов домашнего насилия, в том числе и в отношении женщин».

Представитель РВС Александр Коваленко подчеркнул, что в регионах попросту ничего не знают о законе и идет жесткое давление, создается видимость, будто «все согласны».

МОСКВА, 26 ноября — ИА Красная Весна

Совет Федерации не отвечает на запрос от редакции по поводу появления на сайте СФ РФ документа на бланке Комитета по конституционному законодательству и государственному строительству с названием «Информация об отдельных вопросах профилактики семейного (бытового) насилия». Запрос был направлен по рекомендации пресс-службы СФ на электронную почту приемной сенатора Андрея Клишаса 12 ноября. Согласно статье 40 закона РФ «О СМИ», ответ редакция должна была получить никак не позднее 19 ноября, однако до настоящего момента ответа всё еще нет. Представитель СФ Михаил Кацарский сообщил корреспонденту, что данный запрос рассматривается не как запрос от СМИ, а как обычное обращение, что предполагает ответ в течение 30 дней. Также он отметил, что в приемной ждали оригинал запроса в том числе и по обычной почте, о чем редакцию ИА Красная Весна посчитали нужным не уведомлять.

МОСКВА, 29 ноября — ИА REGNUM

Опубликованный на сайте Совфеда законопроект о профилактике домашнего насилия требует тщательной проработки, чтобы исключить возможность с помощью него забирать детей из семьи. Об этом заявил первый заместитель главы фракции «Справедливая Россия» в Госдуме Михаил Емельянов.

«Меня беспокоит одно, что под видом борьбы с домашним насилием могут внедрить ювенальную юстицию и опять начнут забирать детей из семей и перекладывать их на Запад. Этого в законе быть не должно», — заявил Емельянов.

МОСКВА, 26 ноября — Wonderzine

Вечером 25 ноября в Москве прошел согласованный пикет в поддержку закона о бытовом насилии. Акция была приурочена к Международному дню борьбы за ликвидацию насилия в отношении женщин. Участники собрались на площади Яузские Ворота — по оценке «Медиазоны», в начале акции собрались около 250 человек; позже правозащитница Алена Попова сообщила с места события, что на пикете присутствует порядка тысячи человек.

Собравшиеся держали плакаты с надписями «Семья разрушает насилие, а не возможность жертв получить защиту», «Хватит убивать женщин», «Выноси сор из избы — спасай свою жизнь», «Насилие — дело не семейное», «14 000 женщин в год гибнет от домашнего насилия. Проблема преувеличена?», «Выбери себе грушу для битвы вместо жены» и другие. Участники также скандировали лозунги вроде «Девочки имеют право получить хорошее образование», «Насилие — это не сакральное».

МОСКВА, 27 ноября — телеканал «Россия 1»

В передаче «Вечер с Владимиром Соловьевым» обсуждалась агрессия в обществе. Политолог Сергей Михеев отметил, что в традиционном обществе мужчина не может избивать беременную женщину, а подросток понимает, что если ударит женщину, то от любого старшего «получит по башке так, что навсегда это запомнит». Михеев отметил, что разрушение традиционного общества дает свободу, но где больше свободы, тем больше преступности. Он также подчеркнул, что массовая культура, пришедшая с Запада, пропагандирует насилие, утверждая, что

СВОДКИ С ТЕАТРА ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

ВОЙНА ИДЕЙ

кто сильнее — тот и прав. «Зло делают увлекательным, интересным и достойным подражания, а добро — в лучшем случае скучно и бессмысленно», — сказал политолог. Он подчеркнул, что закон без морально-нравственных ориентиров не сможет сдерживать насилие — придется к каждому человеку поставить по миллиону и всех загнать в либеральный концлагерь.

Профессор школы филологии НИУ ВШЭ Мария Штейнман высказала уверенность, что в семейных конфликтах всегда страдает слабый, и это обычно женщина. Также она сказала, что как правило, если женщина убивает в семье, то это результат насилия над ней. По мнению профессора, единственное, что может удержать общество в рамках, это закон. Штейнман выступает против физических наказаний детей. На вопрос ведущего передачи, как наказывать ребенка, если он матерится на мать, профессор ответила, что это проблема семьи. А на вопрос, есть ли у нее дети, Штейнман сообщила, что нет, но она знает, как воспитывать детей. «*Меня не тронули пальцем никогда! Это мне повредило?*» — спросила она. На что ей кто-то из участников передачи ответил: «*Очень может быть, что да.*»

МОСКВА, 27 ноября — ИА Красная Весна

Пикет в защиту женщин и за принятие закона о семейно-бытовом насилии на площади Яузские Ворота проводила организация «СоцФем Альтернатива». Участниц флешмоба категорически не устраивает брак как союз любящих мужчины и женщины. Они требуют его пересмотра и монетизации женских функций.

О себе они сообщают, что «*являются левыми феминистками, а их целью является создание массового левого феминистского движения для борьбы за права и интересы женщин, против дискриминации, за социальные гарантии и переустройство общества.*» Это общество будет бороться наряду с прочим за «*оплату репродуктивного труда и труда по воспитанию детей.*» Левые феминистки также заявляют, будто «*понимают, что патриархат и дискриминация существуют не в вакууме, а по причине социального и финансового неравенства, которое является неотъемлемой частью капиталистической системы.*»

МОСКВА, 27 ноября — «Эхо Москвы»

Призыв к либералам политизировать феминизм и двигать протест именно с этой стороны опубликовал директор Центра исследований постиндустриального общества Владислав Иноземцев в своем блоге на сайте издания. Противопоставляя традиционные ценности, о которых говорит государство, раскрученным случаям насилия против женщин, автор делает выводы о гендерном неравенстве в России. По его словам, признание женщины человеком отделяет «здоровые силы общества» от провластного класса России. Сторонники традиционных семейных ценностей, по его мнению, рассматривают женщину, как «*естественный низший класс и средство для воспроизводства государственных душ.*» Выход из «ужасов» авторитарного строя России автор видит в «активном политическом феминизме» и требовании гендерного равенства. Он призывает либеральное сообщество сменить вектор борьбы и обратить свое пристальное внимание именно на феминизм: «*Мужчинам, представляющим либеральные силы, давно пора понять, что женский вопрос в России в разы важнее их смешных разногласий*

относительно методов борьбы с коррупцией или устройства демократических процедур.» Он утверждает, будто вера российских женщин в собственную слабость — «*почти единственное, на чем стоит нынешняя власть.*»

КИРОВ, 27 ноября — «Девятка ТВ»

Закон о домашнем насилии разрушит российские семьи, заявила председатель регионального отделения РВС в г. Кирове Скопина Ольга 25 ноября в эфире передачи «Журсовет» во время обсуждения закона о семейно-бытовом насилии. Две ведущие, а также приглашенный психолог, отстаивали необходимость принятия закона. Активистка РВС, напротив, заявила, что закон вообще не про насилие. Он имеет совсем другую цель и утверждает неравенство перед законом семейных и несемейных людей, так как семейная связь оказывается отягчающим обстоятельством. Это создаст негативный образ семьи и снизит у людей желание завязывать тесные семейные отношения. Комментируя введение охранного ордера, предлагаемого законом, Скопина подчеркнула, что бумажка не спасет от потенциального насильника с ножом, но потенциального жениха отпугнет от создания семьи. Активистка также отметила, что «*психологическим насилием*» можно будет назвать любую рядовую семейную ссору между супругами или между родителями и детьми. «*Если мы заставляем ребенка мыть посуду, сделать уроки, не даем ему курить и играть весь день в компьютерные игры, мы совершаем психологическое насилие.*», — уточнила Скопина.

МОСКВА, 27 ноября — «Российская газета»

Спикер Совета Федерации Валентина Матвиенко заявила, что критикуемый родительской общественностью закон «о домашнем насилии» на самом деле призван укрепить духовные основы семьи. Как именно нашумевший закон послужит этой цели, Матвиенко не раскрыла.

НИЖНИЙ НОВГОРОД, 28 ноября — ИА Красная Весна

На круглом столе по вопросу семейно-бытового насилия в Общественной палате Нижегородской области противники и сторонники нового законопроекта по профилактике СБН не смогли договориться между собой. Стороны сошлись во мнении о необходимости совершенствования существующего законодательства. А вот нужда в новом законе, по мнению большинства собравшихся, не столь очевидна. В докладе сторонников нового законопроекта эмоции преобладали над аналитикой, звучали слова о «тысячах в год» гибнущих в семьях российских женщинах. Эти слова вызвали бурю критики, которая закончилась зачитыванием реальной статистики МВД по этому вопросу.

МОСКВА, 28 ноября — ИА Иван-Чай

В Общественной палате РФ состоялась всероссийская конференция «Народосбережение. Как преодолеть демографический кризис», организованная Комиссией ОП РФ по поддержке семьи, материнства и детства. Докладчики в основном обсудили то, какие происходящие в стране процессы являются антидемографическими и разрушительными.

Член Комиссии ОП РФ Элина Жгутова заявила, что государство тратит огром-

ные деньги на поддержку семьи, но демографического эффекта от этого нет.

Полковник полиции Алексей Новгородов привел некоторые данные статистики потерь населения, связанных с алкоголем. Например, согласно данным по Забайкальскому краю, среди всех погибших от внешних причин 67% людей имели в крови алкоголь. Зачастую это молодые люди, которые могли бы рожать, отметил полковник. Было упомянуто, что и многие побои в семьях происходят под воздействием алкоголя, в связи с чем необходимо принудительное лечение алкоголиков.

Также участники конференции указали на вредоносность протаскиваемого законопроекта о профилактике СБН, который бьет по демографии. Адвокат Лариса Павлова заявила, что этот законопроект является не законодательным актом, а «видимостью закона», направлен не против насилия, а против семьи как таковой. Этот акт, позволяющий обвинить людей без доказательств вины, нарушает более 10 статей Конституции РФ. Человек поражается в свободе передвижения, праве на выбор места жительства, праве на судебную защиту, праве на равенство перед законом, праве на собственность, семейных правоотношениях, гражданских правоотношениях, лишается презумпции невиновности, отменила она. Статья 55 Конституции РФ говорит, что законы, противоречащие Конституции, не могут приниматься.

Адвокат Александр Вознесенский указал, что сама семья подается в законе как потенциальное насилие. Например, женщина, находящаяся в отпуске по уходу за ребенком, подспудно считается подвергающейся экономическому насилию, так как ее содержит муж.

Напомним, в России ускоряется «естественная» убыль населения. В 2019 году она достигнет 300 тыс.

МОСКВА, 28 ноября — «Накануне.RU»

Законопроект о профилактике СБН является реализацией Стамбульской конвенции (Конвенция Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием), которая занимается продвижением гомосексуализма по всему миру. Об этом заявил американский социолог и психолог Пол Кэмерон. Фрагмент его выступления был показан на всероссийской конференции «Народосбережение. Как преодолеть демографический кризис», прошедшей в Общественной палате РФ. Все участники конференции поддержали эту позицию и сошлись во мнении, что закон является антисемейным и антидемографическим.

МОСКВА, 28 ноября — ТАСС

Законопроект о профилактике СБН имеет ряд положений, аналогичных или весьма близких действующему законодательству, заявил официальный представитель Генпрокуратуры России Александр Куренной по итогам анализа законопроекта.

В Генпрокуратуре отметили, что в законопроекте необходимо доработать понятийный аппарат, и обратили внимание, что требуется дополнительная проработка «*проектируемых положений на предмет соответствия ст. 12 Всеобщей декларации прав человека и ст. 23 Конституции РФ, согласно которым каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, а также Концепции государственной семейной политики в РФ на период до 2025 года.*»

Александр Куренной подчеркнул, что замечания Генпрокуратуры были учтены разработчиками. Правовая позиция над-

зорного органа по законопроекту будет сформирована после того, как исправленная версия законопроекта поступит на повторное рассмотрение в Генпрокуратуру России, заявил официальный представитель. Он также отметил, что прокуратура работает над данным законопроектом в составе рабочей группы в Совете Федерации под председательством заместителя председателя СФ Галины Кареловой.

МОСКВА, 28 ноября — «Известия»

Законопроект о профилактике СБН будет сильно переработан, сообщает издание со ссылкой на свои источники. Отмечается, что сильно размыты критерии определения насильственных действий психологического, экономического и сексуального видов насилия. Депутаты, работающие над проработкой документа, сообщили, что общество не готово поддержать те меры, которые вводит закон. Собеседники издания рассказали, что правок к законопроекту очень много, их фактически вносят каждый день. Заместитель председателя президентского совета по развитию гражданского общества и правам человека Ирина Киркова подтвердила, что закон ждут значительные изменения.

ТУЛА, 29 ноября — ИА Красная Весна

Законопроект о профилактике СБН поддержан на круглом столе «Предупреждение преступлений в сфере семейно-бытовых отношений. Законодательное регулирование», прошедшем 28 ноября. Присутствующие отметили, что законопроекта они не видели, поэтому обсуждение велось на основании предположений о том, что, по мнению присутствующих, должно быть в законе. Все участники отметили проблемы с неопределенностью терминологии, которые необходимо исправлять на законодательном уровне.

По данным СК РФ по Тульской области, число преступлений в семье год от года снижается, но тем не менее представитель ведомства выразила поддержку законопроекту. По ее мнению, «*закон четко определяет, какие органы и институты отвечают за проведение тех или иных мероприятий, направленных на борьбу с домашним насилием, чтобы было понятно — кто за что.*»

Отмечено, что у правоохранителей нет возможности оценить психологическое и экономическое насилие, поэтому новый закон нужен, чтобы дать определение этим понятиям. Сообщалось, что психологическую помощь участникам конфликта можно оказать уже сейчас.

И. о. главврача больницы скорой помощи Ирина Рублевская выразила поддержку законопроекту, несмотря на то, что пострадавших от семейного насилия, по словам Рублевской, всего 0,7% от общего числа пострадавших от насильственных действий, поступивших в больницу.

Представитель КДНиЗП Тульской области Наталья Хохлова считает, что закон о СБН необходим, так как он даст четкие определения. По ее словам, сегодня принятие решения о наличии трудной жизненной ситуации и решение сотрудника системы профилактики об изъятии детей из семьи основывается на субъективном мнении.

МОСКВА, 29 ноября — РИА Новости

Общественное обсуждение законопроекта о семейно-бытовом насилии закончится 15 декабря, заявила вице-спикер Совета Федерации Галина Карелова. «*Мы видим, что споры не утихают, целый ряд обще-*

СВОДКИ С ТЕАТРА ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

ВОЙНА ИДЕЙ

ственных организаций высказал пожелания ознакомиться с законопроектом», — сообщила сенатор.

МОСКВА, 29 ноября — council.gov.ru

Опубликован текст законопроекта о профилактике СБН. Определение семейно-бытового насилия, данное в статье 1 законопроекта, гласит, что это «умышленное деяние, причиняющее или содержащее угрозу причинения физического и (или) психического страдания и (или) имущественного вреда, не содержащее признаки административного правонарушения или уголовного преступления».

Среди предложенных мер профилактики — правовая и социальная помощь лицам, подвергшимся СБН, профилактические беседы, профилактический учет, специализированные психологические программы и два вида защитных предписаний в отношении лиц старше 18 лет, обвиненных в СБН.

МОСКВА, 29 ноября — ИА Красная Весна

Из врачей могут сделать доносчиков. Законопроект о профилактике СБН предполагает обязать медицинские организации проводить профилактику семейно-бытового насилия. «Медицинские организации извещают органы внутренних дел о фактах обращения лиц, в отношении которых есть основания полагать, что вред их здоровью причинен непосредственно семейно-бытовым насилием», — написано в тексте законопроекта, размещенного на сайте Совета Федерации РФ. Уточним, что помимо медицинских организаций, среди субъектов профилактики СБН указываются организации по оказанию социальных услуг, общественные объединения и иные некоммерческие организации.

МОСКВА, 29 ноября — ИА Красная Весна

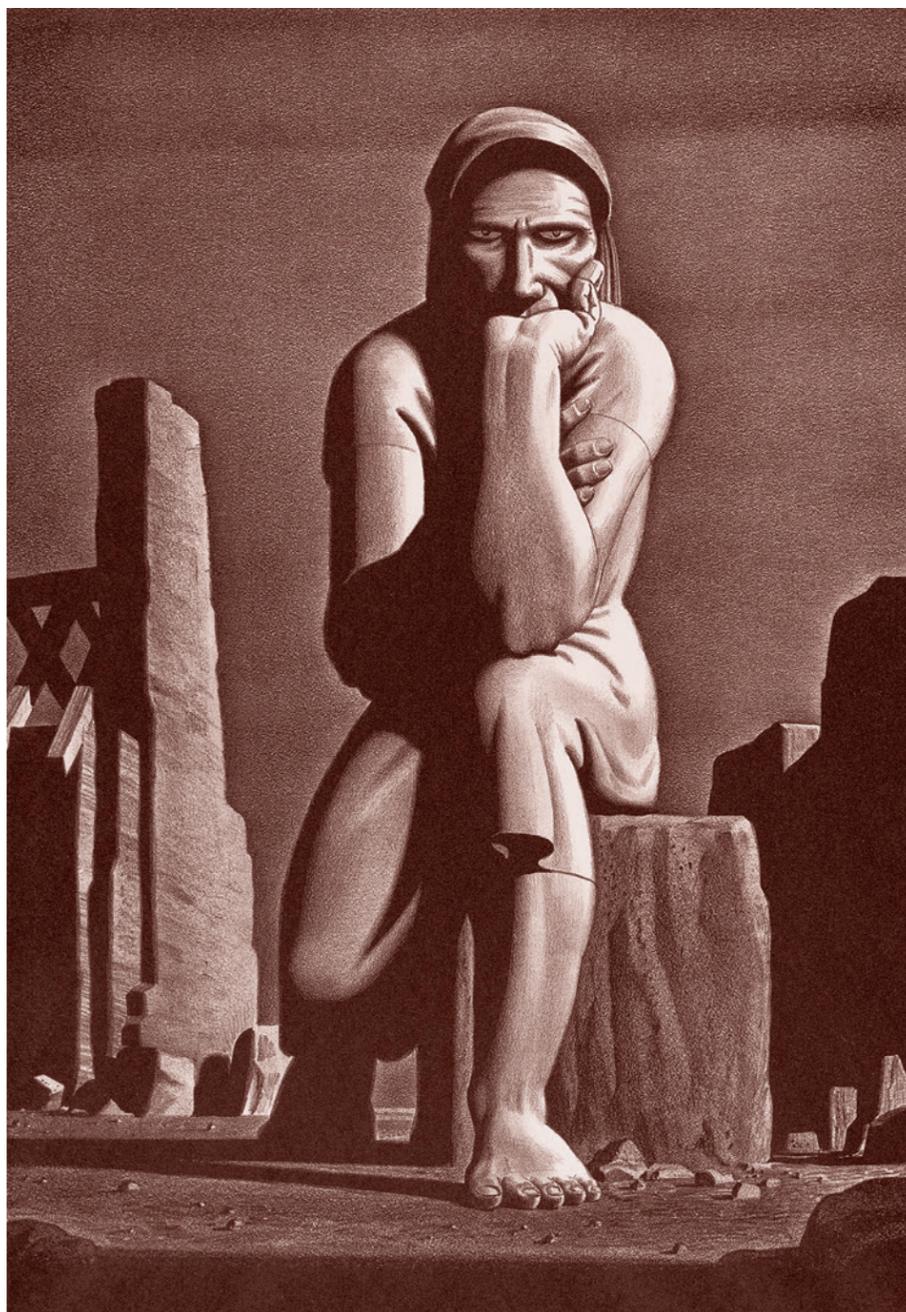
Поводом для вмешательства государства в семейный спор может стать простое обращение третьей стороны. Об этом свидетельствует текст законопроекта «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации». Документ в качестве оснований для осуществления мер профилактики семейно-бытового насилия определяет не только непосредственное обращение потерпевшей стороны, но и «обращение граждан, которым стало известно о свершившемся факте семейно-бытового насилия, а также об угрозах его совершения в отношении лиц, находящихся в беспомощном или зависимом состоянии».

Кроме того, правоохранительные органы могут вмешаться в семейный конфликт на основании информации, полученной от федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, организаций, от должностных и других лиц.

МОСКВА, 29 ноября — ИА Красная Весна

Запрет на совместное проживание обвиненного в семейно-бытовом насилии с его жертвой включен в законопроект «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации».

«Судебным защитным предписанием на нарушителя могут быть возложены следующие обязанности: покинуть место совместного жительства или место совместного пребывания с лицами, подвергшимися семейно-бытовому насилию, на срок действия судебного защит-

Роуэлл Кент. «Европа» 1947. 1947

ного предписания при условии наличия у нарушителя возможности проживать в ином жилом помещении, в том числе по договору найма (поднайма), договору найма специализированного жилого помещения либо на иных основаниях, предусмотренных законодательством Российской Федерации», — гласит новый законопроект.

Кроме того, по решению судебной инстанции нарушителю может быть отказано в том, чтобы узнать местонахождение лица, подвергшегося с его стороны так называемому семейно-бытовому насилию. Признанный виновным в подобном нарушении не имеет права «вступать в контакты, общаться с лицом (лицами), подвергшимся (подвергшимися) семейно-бытовому насилию, в том числе по телефону, с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

МОСКВА, 29 ноября — ИА Красная Весна

Законопроект о профилактике СБН, предлагающий допустить к такой профилактике общественные объединения и НКО, позволит даже ЛГБТ и педофильским объединениям вторгаться в семью, заявила член Общественной палаты РФ Людмила Виноградова. Эксперт прокомментировала положение законопроекта, согласно которому к профилактике семейно-бытового насилия предлагается допустить общественные объединения и НКО.

«Это самое абсурдное, что там было придумано, поскольку это прямое нарушение статьи 38 Конституции России, т.е. вторжение в частную семейную

жизнь», — пояснила Виноградова. По словам Виноградовой, вторжение в частную жизнь граждан предполагается осуществлять не просто в каком-либо стандартном процессуальном порядке, административном или уголовном, а в условиях, когда факт противоправного поведения человека еще никем не доказан. В сущности, законопроект предусматривает право общественных объединений постоянно вторгаться в семейную жизнь.

«Самое опасное, что никаких конкретных требований в законопроекте к таким общественным объединениям не прописано, как нет и каких-либо требований к людям, состоящим в том или ином общественном объединении. Это могут быть и представители ЛГБТ-общества, педофилы, то есть все, кто угодно сможет вторгаться в российские семьи», — подытожила Виноградова.

МОСКВА, 29 ноября — радио «Радонеж»

Принятие закона о профилактике СБН грозит разрушительными последствиями для государства и общества, предупредил руководитель Патриаршей комиссии по делам семьи протоиерей Димитрий Смирнов. «Когда начнется фактическое выполнение этого закона, будут стрелять. Государству это надо?» — спросил представитель РПЦ.

Смирнов подчеркнул, что декларируемая борьба с домашним насилием для лоббистов закона является лишь прикрытием настоящей цели закона. На самом деле принятие подобного закона должно «облегчить изъятие детей из семей» в ко-

МОСКВА, 29 ноября — ИА Красная Весна

Законопроект о профилактике СБН предполагает считать преступником того, кого по закону считать преступником нельзя, пишет Александр Коваленин в статье «Когда нельзя, но очень хочется. Законопроект о СБН нарушает юридические и логические законы». «Как мы и предполагали, женщины, которые ожидали, что новый закон будет о том, чтобы мужчина не распускал руки, или чтобы насильника сильнее наказывали, обманулись. Законопроект совсем не о том, на чем строилась его рекламная кампания, — не о побоях, избиениях, увечьях, убийствах. Он о том, чтобы назвать насилием то, что общество не обязательно считает насилием», — пишет эксперт.

По мнению Коваленина, документ вышел за рамки принципа законности — семейно-бытовым насилием названо причинение страданий, не являющееся правонарушением или преступлением. Никакой процедуры установления вины человека не предполагается, нарушены основополагающие для демократического общества представления о свободе — какие поступки становятся запрещенными, будет решаться не на основании закона.

При этом эксперт подчеркивает, что правовая неопределенность является фактором, на котором развивается произвол и коррупция. Особую роль в новой системе профилактики, в том числе и благодаря определению того, что есть насилие, получают НКО. Независимо от мировоззрения их учредителей, они смогут указывать на «нарушителя», а потом проводить с ним «психологические программы», получая на это бюджетные средства.

Эксперт уверен, что такой документ не может пройти через парламент, однако отмечает, что это не должно успокаивать, поскольку непонятно, кто будет подводить итоги обсуждения законопроекта, а на заседаниях рабочей группы сенатора Г. Н. Кареловой, которая занимается данной темой, были представители грантополучателей иностранных денег и не было никого из родительских организаций.

МОСКВА, 29 ноября — ТАСС

Соавторы опубликованного Советом Федерации законопроекта о профилактике семейно-бытового насилия не согласны с его содержанием. Депутат Госдумы Оксана Пушкина сообщила, что из нового текста законопроекта неправомерно исключили распространение закона на избиение. Предложенный текст исключает побои, причинение вреда здоровью и другие виды физического насилия, так как они всегда носят признаки административного правонарушения.

Пушкина также считает, что за неисполнение защитного предписания выплачивать штраф в размере от одной до трех тысяч рублей неправильно и слишком мягко. По ее мнению, мужчина, избивающий жену, заплатит деньги и продолжит свои истязания.

Также, по мнению депутата, в список жертв домашнего насилия необходимо включить такую категорию граждан, как сожители. Пушкина отметила, что работа над законопроектом продолжается, и сейчас главное — получить одобрение в первом чтении, а после дополнить текст необходимыми поправками.

СВОДКИ С ТЕАТРА ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

ВОЙНА ИДЕЙ

МОСКВА, 29 ноября — ИА Красная Весна

В статье Веры Родионовой утверждается, что сравнительный анализ результатов введения законов о семейном или гендерном насилии в разных странах Европы показывает, что тенденция убийств женщин с введением закона не меняется в лучшую сторону. При этом количество самоубийств женщин в несколько раз больше, чем количество убийств. Приводятся графики статистических данных по этим показателям, взятые с сайта ООН и с сайтов официальной статистики, основанных на данных МВД и ФБР. Данные по самоубийствам из газеты *Expansión*.

Например, в пилотном регионе по введению гендерного закона — Испании — в 1999 году, до введения гендерного закона, мужьями убито 54 женщины. В 2019 году к ноябрю убито уже 52 женщины. А значит, можно с уверенностью сказать, что данный закон, действующий 20 лет, не защищает испанских женщин от убийств. При этом в той же Испании каждый год уходит из жизни путем самоубийства около тысячи женщин и втрое больше мужчин. С 2003 года самоубийством покончили жизнь около 16 тысяч женщин.

В Италии цифры по убийству женщин партнерами или мужьями колеблются между 80 и 113 до принятия Стамбульской конвенции (2012 г.) и соответствующих законов по профилактике и защите женщин, и до 113–122 после их принятия. Самоубийств совершается ежегодно около 4 тысяч.

МОСКВА, 30 ноября — ИА Красная Весна

Пользователи, обсуждающие закон о профилактике СБН на сайте Совета Федерации, отмечают, что в законопроекте не убрали спорные понятия психологического и экономического насилия.

Например, пользователь с ником Fed Buba пишет: *«На самом деле не убрали. Его замаскировали под «психического страдания и (или) имущественного вреда», а также несколько расширили оговоркой «умышленное деяние... не содержащее признаки административного правонарушения или уголовного преступления».* Ушанов Владимир добавляет: *«Психическое и экономическое никто не убрал. Посмотрите текст законопроекта. Только лишь заменили экономическое на имущественный вред».*

МОСКВА, 30 ноября — ИА Красная Весна

Манипуляцией считает общественное обсуждение законопроекта о семейно-бытовом насилии председатель Московского отделения РВС Анна Кульчицкая. По ее мнению, Совет Федерации навязывает гражданам России ненужный и даже опасный для них закон без широкого обсуждения его необходимости: *«В сообщении Совета Федерации предлагается учесть поправки, обсудить, каким будет закон. Но большинству населения РФ вообще не нужен данный закон, так как он не просто вреден, этот закон несет непоправимый урон российской семье — он ее уничтожит».* Кульчицкая считает, что предложение вносить в законопроект правки является манипулятивным, так как не дает людям возможности отказаться от самой идеи внесения подобных норм в законодательство. Внесение косметических изменений представитель РВС считает недостаточным и не меняющим сути закона: *«Мы не хотим обсуждать, насколько правильная или неправильная гильотина, мы хотим, чтобы казни семьи не было».*

МОСКВА, 30 ноября — «Новая газета»

Экономист Дмитрий Прокофьев в статье «Безжалостные люди. Семейное насилие как производная экономики» сообщает, что даже если занизить тиражируемую цифру о 14 тысячах ежегодно убиваемых женщинах, то статистика все равно ужасная. Причина домашнего насилия — в кризисе той модели семьи, где мужчина был хозяином, а женщина ждала дома, пишет автор. Сейчас все не так, потому что женщина тоже работает и не будет мириться с мужской диктатурой.

При этом Прокофьев отмечает 30 %-ную разницу в доходах мужчин и женщин, существующую в России. Он сравнивает деньги, которые дает муж своей жене, с премией за то, что она остается с ним, жертвуя возможностями по выбору более привлекательного партнера или карьерой. *«Ценность такого предложения со стороны женщины нелегко оценить. А там, где партнеры не согласны в оценке активов, начинаются конфликты»*, — пишет Прокофьев.

Также он указывает, что когда финансовый вопрос перестал портить отношения в американских семьях, эпидемия разводов и семейного насилия в США пошла на спад. Так что, по мнению автора статьи, лучшее средство от семейного насилия — это деньги в руки. Когда женские финансовые и карьерные перспективы будут действительно равны мужским, тогда и число жен, пострадавших от мужей, будет сокращаться, делает вывод автор.

ПЕРМЬ, 1 декабря — ИА Красная Весна

На открытии пермского краевого семейного форума доклад уполномоченного по правам человека в Пермском крае Павла Микова прозвучал неожиданно. Известный своим продвижением ювенальной юстиции, противник закона о запрете гей-пропаганды среди несовершеннолетних, Миков выступил за традиционные семейные ценности. В докладе регионального координатора проекта «Крепкая семья» партии «Единая Россия» Ирины Ермаковой прозвучало, что *«на первом месте у мамы должна быть она сама, а потом уже дети и все остальное».* Миков раскритиковал Ермакову за ее индивидуализм, пропаганда которого и ведет к распаду семей.

По словам Микова, большой проблемой в настоящее время является смена ценностных установок нового поколения «Z» (ЯЯЯ-поколения). Для представителей этого поколения устойчивая семья не является значительной ценностью, для них важнее вера в свою исключительность и неповторимую индивидуальность, характерны стремление к быстрому успеху и гедонизму, ориентация на жизнь «здесь и сейчас», неприятие критики и развитой эгоцентризм. При этом тревожно то, что через одно-два десятилетия уже эти люди будут прививать эти ценности своим детям. Миков выразил обеспокоенность и одновременно уверенность тем, что новое поколение обязательно легализует однополые браки в России.

МОСКВА, 2 декабря — ИА REGNUM

Ни права, ни логики: кандидат юридических наук, адвокат и эксперт Общественного уполномоченного по защите семьи Анна Швабауэр представила юридическое заключение на законопроект «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации». По мнению эксперта, представленный законопроект является юридически несостоятельным, нарушает конституционные права граждан, иг-

норирует основные начала уголовного и административного права, противоречит принципам семейного права, имеет коррупциогенный характер, создает предпосылки для разрушения института семьи и в итоге приведет к обострению социальных противоречий и дестабилизации общества.

Швабауэр указывает, что представленные в документе определения понятий нарушают законы логики. Например, из текста законопроекта следует, что определение понятия «семейно-бытового насилия» фактически означает, что это *«умышленное преступление, не содержащее признаков преступления».* Не лучше дело обстоит и с другими понятиями.

Как указывает юрист, в случае принятия закона *«любые споры между супругами, любые воспитательные меры по отношению к детям могут стать основанием для включения карательных механизмов закона».* Кроме того, любые граждане абсолютно бездоказательно могут быть лишены на неопределенный срок таких прав, как право на неприкосновенность частной жизни, право на воспитание детей, неприкосновенность собственности, право на жилище, свобода передвижения, свобода совести и право действовать в соответствии со своими убеждениями.

КАЗАНЬ, 1 декабря — ИА Красная Весна

Законопроект о семейно-бытовом насилии (СБН) был рассмотрен на круглом столе в Казани, организованном местным отделением партии «Яблоко». В его работе приняли участие представители феминистской казанской организации «ФемКызлар», замначальника отдела участковых уполномоченных полиции Рауф Низамов, представитель НКО от кризисного центра «Фатима» Марина Галицкая, социолог Искандер Ясавеев. Организацию защиты семьи «Родительское Всероссийское Сопротивление» (РВС) представляла Татьяна Нечаева, модератором круглого стола был Зинатуллин Руслан. В зале присутствовали депутаты Госсовета РТ, представители православной общественности, психологи, юристы и правозащитники.

Мнения сторон о законопроекте о семейно-бытовом насилии (СБН), внесенном на обсуждение в Госдуму, разделились, одни посчитали его вредным и разрушительным для семьи, другие — «сырым» и бесполезным в таком виде, но все отмечали его размытые формулировки и возможность расширительного толкования. Даже активистки фемдвижения назвали документ «беспользным и нерабочим», а основательница движения «ФемКызлар» Дина Нурм сообщила, что настроена пессимистично.

Однозначно против закона высказалась только представитель РВС, и зал поддержал именно ее позицию. Присутствующие активно задавали вопросы и высказывались против законопроекта.

МОСКВА, 2 декабря — ИА REGNUM

Политолог Сергей Михеев заявил в эфире передачи «Вечер с Владимиром Соловьевым», что закон о профилактике семейно-бытового насилия нужен для того, чтобы под прикрытием борьбы с насилием навязать обществу моральные и юридические нормы современного «толерантного» Запада. *«Борьба с этим насилием была лишь прикрытием, чтобы внести в наше общество те нормы и те механизмы воздействия, которых раньше не было, которые есть где-то там, в Америке или Европе. Простекают они из разных источников... абсолютное убеждение в том, что «там» более прогрессивное, более эффективное и более правильное*

устройство общества, чем здесь», — заявил Михеев.

Он также отметил, что как бы авторы закона о профилактике семейно-бытового насилия ни отрицали его связь с напрочь антисемейной Стамбульской конвенцией, этот закон является шагом к принятию конвенции. По его словам, если этот закон будет принят, будут продавливать и другие нормы, включая признание 58 гендеров и всех прочих «прелестей» современного «прогрессивного» западного общества.

МОСКВА, 2 декабря — ИА REGNUM

Телеведущий Владимир Соловьев поймал заместителя председателя Совета Федерации РФ по социальной политике и депутата Московской городской думы, сторонника закона о профилактике семейно-бытового насилия Инну Святенко на неспособности сформулировать определение основных его понятий.

Начиная обсуждение представленного закона, проект которого был предложен Советом Федерации, Соловьев сходу поставил целый ряд неудобных для лоббистов закона вопросов, но так и не получил от Святенко ни одного четкого ответа. Все сентенции чиновницы не вышли за рамки лозунгов и общих слов. При этом сам телеведущий, очевидно, был настроен на конструктивную дискуссию.

«Вы не можете верифицировать информацию, вы не можете верифицировать жалобу, потому что определение психологического давления... А еще у вас есть формулировка про финансовое... Кто будет верифицировать, есть оно или нет, кто приведет систему доказательств, в каком суде это будет взвешено?» — спросил ведущий.

МОСКВА, 2 декабря — «Россия 1»

Телеведущий Владимир Соловьев призвал провести серьезное глубокое исследование законопроекта о семейно-бытовом насилии. По его словам, любую законодательную инициативу необходимо подвергнуть серьезнейшей экспертной оценке. Особенно в том случае, если речь идет о профилактике семейно-бытового насилия, необходимо *«вычлнить и разбить насилие, которое есть, на категории и посмотреть, почему оно происходит».* В противном случае *«метод решения проблемы приводит к тому, что нам потом надо лечить общество после того, как мы придумали этот метод».*

Соловьев подчеркнул, что насилие в семье — это абсолютное зло и защищать жертв насилия необходимо. Однако когда речь идет о «психологическом насилии», необходимо сначала определить это понятие.

МОСКВА, 2 декабря — «Россия 1»

Политолог Сергей Михеев заявил, что под прикрытием закона о семейно-бытовом насилии проталкивается полное переформатирование всей ткани семейной жизни. В доказательство этого он привел в пример то, как будет действовать охранный ордер на семью. По его словам, после его введения никакой речи о семье идти не будет. *«Потому что это равносильно измене. Вовлечь в отношения мужа и жены третьего человека — это и есть измена. Это предательство называется. Больше семьи в этом месте не будет. Может, вы конкретного человека защитили от конкретной ситуации. Может быть. Но семьи здесь больше не будет»*, — заявил политолог.

СВОДКИ С ТЕАТРА ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

ВОЙНА ИДЕЙ

Кроме того, он отметил, что принятие этого закона негативно отразится на молодых людях, живущих в браке, у которых постоянно происходят конфликты. «А для тех, кто не вступил в брак, — это несомненно станет поводом не вступать в брак вовсе. А зачем, объясните? Зачем вступать в брак? Если можно спокойно сожительствовать на какой-то территории. Никто не будет знать о том, что вы вместе. Они не семья. И под закон не подпадают», — отметил Михеев. Таким образом, семей в России не станет.

Настоящая битва за семейную политику в России развернулась в прошедшую неделю вокруг законопроекта «О семейно-бытовом насилии», наконец-то, представленного общественности. Общество поделилось на два непримиримых лагеря. Обе стороны понимают, что слишком многое поставлено на карту.

Сторонники западного образа жизни демонстрируют подход к семье как элементу рынка. При этом, чтобы расширить возможность вмешательства в семью, они определяют насилие не через объективные действия «насильника», а через чувства (страдания), которые по определению субъективны. А граждане, отстаивающие традиционные ценности, защищают право семьи самой определять свою жизнь.

Странная непонятливость сенаторов, «перепутавших» режим ответов на запросы СМИ с обычными правилами работы с населением, на самом деле может свидетельствовать о намерении законодательной власти встать на сторону феминисток. Обманывая в малом, сенаторы могут обмануть и при самом принятии закона, как это было уже с «законом о шлепках», когда во втором чтении были внесены поправки, кардинально изменившие первоначальный смысл.

Между тем некоторые подвиги начались. Общественники стали знакомиться с последним «изводом» проталкиваемого закона и заявлять о своем несогласии с его принятием. На центральном российском канале лоббистам начали задавать неудобные вопросы, на которые те не могут ответить. Закон называют не просто недоработанным (с этим готовы согласиться и его лоббисты, т. к. не все их пожелания удовлетворены), но и уничтожающим сам институт семьи и обрушивающим общество в демографическую яму.

Как России защитить традиционные ценности?

МОСКВА, 22 ноября — ИА Красная Весна

Пропаганда извращений в США удвоила за последнее десятилетие число гомосексуалистов среди школьников старших классов, заявил доктор философии и социальной психологии, директор Института исследования семьи (США) Пол Кэмерон во время круглого стола «Правовая защита традиционных ценностей: Россия, Европа, мир», проходящем в Общественной палате РФ.

По его словам, пропаганда секса и извращений, которую ученый охарактеризовал как самую «догматическую, диктаторскую и фашистскую религию, которые когда-либо существовали», привела к изменению сексуальной ориентации американских старшеклассников. Так, в 2001–2009 годах к гомосексуалистам и бисексуалам относили себя лишь

5% опрошенных. В 2017 году количество гомосексуалистов и бисексуалов среди опрошенных старшеклассников увеличилось до 10,3%, а количество трансгендеров впервые стало составлять сколько-нибудь значительное количество и составило 1,8%.

По мнению психолога, рост числа школьников, относящих себя к представителям ЛГБТ-сообщества, является результатом обучения детей в школах, которое внушает, что сексуальность и выбор пола — это личное дело ребенка.

МОСКВА, 23 ноября — ИА Красная Весна

Между гомосексуализмом и педофилией существует тесная взаимосвязь, заявил доктор философии и социальной психологии Пол Кэмерон 22 ноября во время круглого стола в Общественной палате РФ. Исследование выявило, что в США около трети (33%) насильников были гомосексуалистами. Они были ответственны за 51% преступлений сексуального насилия против несовершеннолетних. В Великобритании около 50% растлителей малолетних оказались гомосексуалистами. Они совершили 3 из 4 актов сексуального насилия против несовершеннолетних.

На основании данных центра Пью (Pew Research Center) было установлено, что чем больше в штате людей, считающих себя гомосексуалистами, тем ниже рождаемость и выше уровень сексуальных преступлений по отношению к несовершеннолетним.

Кэмерон напомнил, что в 2015 году 60% американцев положительно относились к гомосексуальному образу жизни. В Великобритании количество таких людей достигло 78%. «Общая модель такова: чем положительнее страна относится к гомосексуализму, тем чаще в этой стране растлеваются дети», — заявил ученый.

МОСКВА, 25 ноября — ИА Красная Весна

Возможность законодательной защиты от идеологии ЛГБТ обсуждалась 22 ноября на круглом столе «Правовая защита традиционных ценностей: Россия, Европа, мир» в Общественной палате РФ, где собрались представители религиозных организаций (в основном, пасторов евангельских церквей), общественных деятелей, ученых и юристов.

Рассказывая о проблемах правовой защиты традиционных ценностей, доктор философских наук, профессор Института государственной службы и управления РАНХиГС Михаил Шахов указал на высокую абстрактность норм Европейской конвенции по правам человека, которые позволяют излишне широкое толкование.

Шахов считает, что закрепить защиту государством традиционных ценностей на законодательном уровне несложно. Сложнее сформулировать, что это такое и что именно туда входит. Он подчеркнул, что есть некие базовые традиционные ценности, такие как охрана семьи, материнства, детства, любовь к ближнему, которые встречаются практически во всех религиозных, национальных и культурных традициях. Но есть и ряд древних традиций, которые туда включать не стоит: ношение чадры, паранджи, принудительную выдачу замуж по решению родителей, женское обрезание.

По мнению Шахова, государство, при всей его светскости, может и должно поддерживать духовные ценности.

Доклад кандидата юридических наук Лидии Ридер был посвящен суррогатному материнству. Ридер считает суррогатное материнство произволом по отношению

к самой незащитной части человечества. Люди, имеющие средства (а это могут быть пары, в том числе однополые, или одинокая женщина или мужчина), фактически покупают человеческое существо (часто с заданными «параметрами»), а значит, речь идет о современном рабстве. Юрист подчеркнула, что суррогатное материнство противоречит международному праву, которое призвано защищать человека от продажи, покупки и владения другим лицом. Согласно международному праву ребенок имеет право знать своих биологических родителей и иметь связь с ними, обладает правом на воссоединение семьи.

В выступлениях представители религиозных конфессий говорили о необходимости избегать агрессивной секуляризации общества, о сохранении христианских ценностей и праве верующих называть грех грехом.

МОСКВА, 25 ноября — ИА Красная Весна

В США возобладали религия, которую дословно на русский язык можно перевести как «религия секса и деформации тела», заявил доктор философии и социальной психологии, директор института исследования семьи из США Пол Кэмерон 22 ноября на круглом столе в Общественной палате РФ.

Со слов Кэмерона, эта «религия» учит, что человек — с самых юных лет — может выбрать сексуальную ориентацию и сменить пол. Как отметил Кэмерон, если в США ученый-социолог не придерживается постулатов этой «религии», он лишается возможности говорить публично в профессиональном сообществе, печататься в специализированных журналах. Докладчик заявил, что американским школьникам годами внушается, что они вольны выбирать любую сексуальную ориентацию и должны решить, подходит ли им их пол или они находят в своем теле, как в «ловушке». Кроме школьного ЛГБТ-просвещения, с детьми работает Голливуд, создающий на экране привлекательный образ гея. Недавно было принято решение, что 10% всех экранных персонажей будут принадлежать к ЛГБТ.

МОСКВА, 30 ноября — REGNUM

Массированное внушение, будто гомосексуализм — это норма, против которой никто не возражает, неизбежно приведет к распространению в обществе этого явления, более того, со временем оно начнет теснить гетеросексуальность. Об этом заявил известный американский социолог и психолог, создатель Института исследований семьи Пол Кэмерон.

«41 год назад я сделал предсказание: если детям начнут внушать, что сексуальная ориентация — всего лишь вопрос личного выбора, и никто против этого выбора не будет возражать, — тогда гомосексуальное движение будет разрастаться и в конечном итоге начнет теснить гетеросексуальность в нашей культуре. Думаю, это связано с тем, что дети видят лишь одну модель сексуального поведения, и только ее способны усвоить», — отметил он.

По словам Кэмерона, в США сейчас со школьной скамьи или с детсада начинают учить, что быть геем — совершенно нормально. Ученый отметил, что представители ЛГБТ не только рожают меньше детей, но и дороже обходятся обществу — гораздо чаще обращаются к врачам, чем основное население. Это связано с большей распространенностью половых инфекций, психологическими проблемами, среди них больше наркозависимых. При

этом ЛГБТ-движение постоянно растет. Сейчас его представители составляют по меньшей мере 10% населения США, тогда как в 1970-х этот показатель составлял всего 1–2%.

Социолог сообщил, что в октябре 2019 года вышло очень крупное исследование, в котором делается вывод об отсутствии свидетельств в пользу существования генетически предопределенной склонности человека к гомосексуализму. «Генетической взаимосвязи подтверждено не было, и это вполне согласуется с моим представлением, что сексуальные склонности прививаются в результате воспитания», — заметил эксперт.

МОСКВА, 2 декабря — rvs.su

В интервью корреспонденту ИА «Красная Весна» американский психолог Кэмерон рассказал, как идеология ЛГБТ продвигается среди школьников США и как из научной среды изгоняются ее противники, а также что должна сделать страна, чтобы не отдать на откуп этой «тоталитарной религии» детей, семьи, отношения между людьми.

Ученый отметил, что одна из стойких характеристик трансгендерства — это суициды. Те люди, которые производят операции по смене пола, имеют большую склонность наносить себе увечья и предрасположены к попыткам самоубийства. Психолог подчеркнул: «Никто не может сменить пол. Можно принимать гормоны, избавиться от одних органов и имитировать другие, но прошедшие через это мужчины все равно мыслят по-мужски. Даже если они стараются вести себя по-женски, у них отсутствуют женские качества и способности. Кто-то из трансгендеров со временем к этому приспособливается, примерно так же, как те люди, которые потеряли руку или ногу, стали инвалидами».

По мнению Кэмерона, эта идеология приходит и в Россию, поскольку в Московском государственном университете у студентов стали спрашивать не какой у них пол, а какой гендер. Чтобы ЛГБТ-идеология не пришла, надо сделать так, чтобы гомосексуализм стал вне закона, как это было в Советском Союзе.

«Гомосексуальность не только уменьшает возможность иметь детей, но и увеличивает шансы получить заболевания, передающиеся половым путем, риск изнасилования. Этот образ жизни сказывается на здоровье, укорачивает жизнь... Необходимо затруднить проповедование гомосексуализма, особенно детям. Дети, в силу своих возрастных особенностей, этой пропаганде особенно подвержены. Поэтому именно на них стараются влиять», — сказал ученый. Он подчеркнул, что закон должен однозначно запрещать любое обучение гомосексуализму, начиная с детского сада и кончая последним классом школы. Поскольку эти годы — ключевые для большинства решений и чувств, касающихся пола.

России следует внимательно отнестись к словам американского ученого, который утверждает, что сексуальные склонности прививаются в результате воспитания. Что посеешь, то и пожнешь. Если разрешить ЛГБТ-идеологии хозяйничать в нашей стране, то в скором времени столкнемся с тем же явлением, с которым столкнулся Запад — стремительным увеличением числа трансгендеров и гомосексуалистов. Это значит, что в России еще уменьшится рождаемость, «зато»... увеличится количество сексуальных преступлений против несовершеннолетних.

МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ВОЙНА

В аду нет места творчеству и любви. И ад при этом требует, чтобы человек сам сделал выбор, отказавшись от этого. В конце концов человек должен сам проклясть творчество и любовь. То есть сломаться. Ад — это территория сломленности

Судьба гуманизма в XXI столетии

Много ли мы знаем поэтических произведений, авторы которых заняты не постижением тех или иных конкретных деяний своих героев, не чувствами и мыслями этих героев, а исследованием чужих художественных произведений? Такими исследованиями занято искусствоведение, но оно весьма редко, согласитесь, излагает результаты своих исследований в виде поэтических текстов.

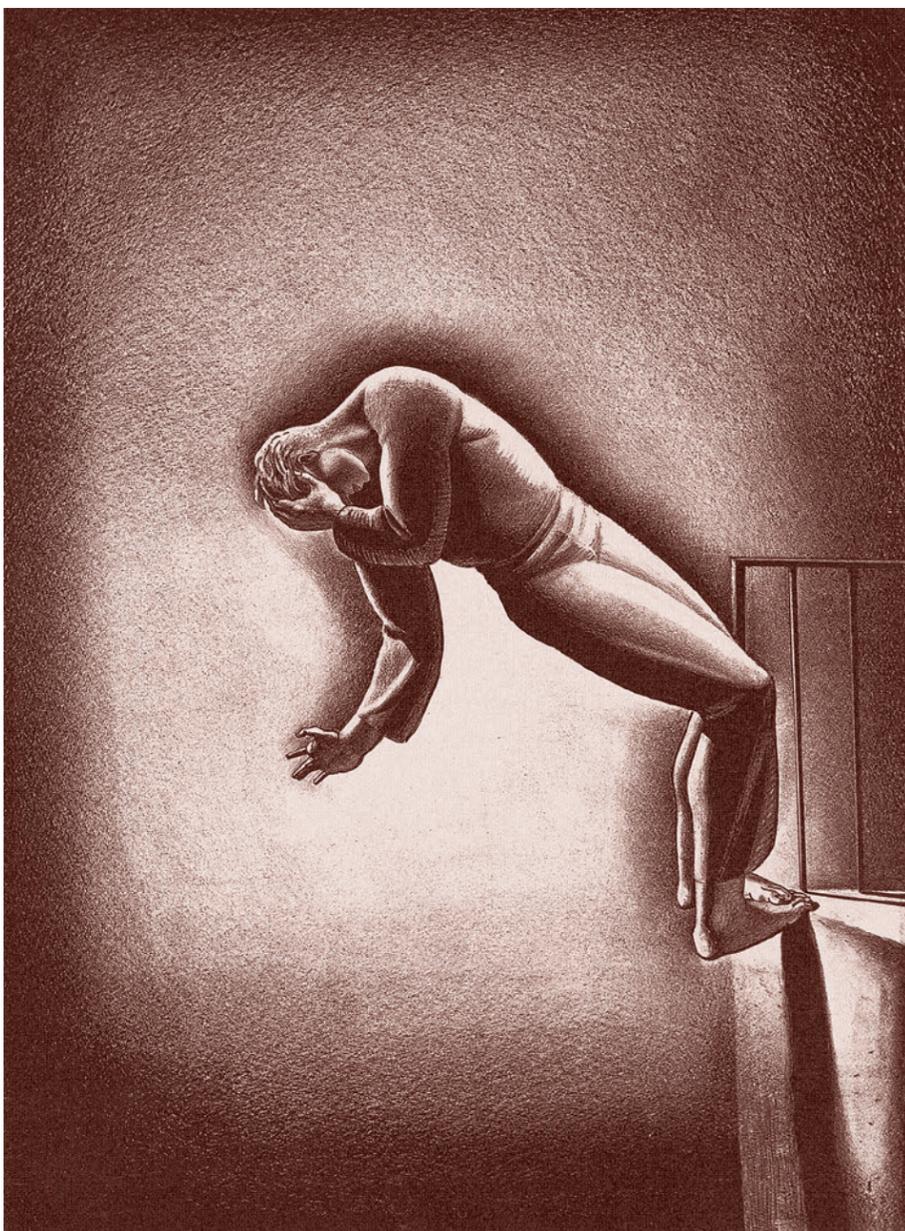
Мандельштам страстно исследует творчество Данте и личность Данте. Но его «Разговор о Данте», написанный очень ярко и образно, тем не менее не случайно является прозаическим. Хотя, казалось бы, почему бы Мандельштаму при его масштабе поэтического таланта и его исследовательской глубине не написать поэму по поводу творчества Данте в целом или его «Божественной комедии» в частности? Но Мандельштам этого не делает. А все поэтические размышления, осуществляемые поэтами по поводу творчества собратьев по перу, ну уж никак не являются исследованиями. Обращаются ли к творчеству Пушкина Маяковский или Цветаева — их поэтические обращения к чужому поэтическому творчеству, сколь бы глубоки они ни были, исследования явным образом не являются и по существу представляют собой некий поэтический лиризм, возведенный в энную степень. Потому что поэты анализируют не творчество Пушкина или какого-либо другого собрата по перу, а свои чувства по поводу этого творчества. Или же свои чувства по поводу того, насколько неверно чужое чувство этого творчества.

Я вынужден еще раз повторить, что вовсе не являюсь поклонником творчества Новеллы Матвеевой, но при этом не могу не отдать должного ее желанию написать поэму как искусствоведческое исследование, то есть в каком-то смысле научное. Поскольку мое самозадание в рамках собственного исследования, посвященного судьбе гуманизма в XXI столетии, состоит в том, чтобы постоянно ориентировать читателя на что-то кроме собственных умозрений, то я осознанно и настойчиво апеллирую к поэме Новеллы Матвеевой о Питере Брейгеле Старшем как к исследованию и результативному, и методологически ценному.

Вдобавок к этому Новелла Матвеева говорит об очень сложных вещах, используя достаточно простой язык, а это очень важно. Мне, чтобы не отходить от заданного принципа укорененности собственных положений в тех или иных традициях, вскоре придется обсуждать гораздо более сложные тексты. И куда как хорошо, что можно перед этим отойти от такой усложненности, которая в сегодняшнем обществе сродни чему-то, сходному с издевательством.

Итак, Новелла Матвеева в своем поэтическом исследовании говорит о тайне ничтожности. И настаивает на том, что одним из высших раскрытий такой таинственности ничтожности является творчество Питера Брейгеля Старшего.

Я же, отталкиваясь от такого чужого представления о таинственности ничтожности, и давая читателю перед этим возможность опереться на что-то большее, чем мое самодостаточное суждение, развиваю представление о таинственности ничтожности. Причем в этом моем развитии есть место и для уважения к чужому творчеству, и для несогласия с фундаментальными представлениями, лежащими в основе того, на что я с уважением ссылаюсь.

Рокуэлл Кент. Страшный сон. 1942

В развитие представлений Матвеевой о таинственности ничтожности я предлагаю читателю свое, в определенной степени полемическое представление о так называемой ничтожности, которая, при всем ее сходстве с ничтожностью, является чем-то совсем другим.

Я настаиваю на том, что ничтожность, будучи связана с ничтожностью, тем не менее вопиющим образом отличается от обыкновенной ничтожности. Потому что ничтожность — это обладание определенной малостью, а ничтожность — это отсутствие какого-либо содержания, какого-либо «что-то», на которое способен ориентироваться носитель ничтожности.

Далее, я настаиваю на том, что таинственность ничтожности, о которой говорит Новелла Матвеева в своем поэтическом исследовании творчества Брейгеля Старшего, на самом деле является не таинственностью ничтожности, а таинственностью ничтожности. И что обыкновенная ничтожность, в общем-то, никакой таинственностью не обладает, в чем ее радикальное отличие от ничтожности, сопряженности с которой посвящено, по моему глубокому убеждению, творчество Питера Брейгеля Старшего.

И, наконец, я настаиваю на том, что именно ничтожность, будучи предметом для возмущения и почитания на протяжении всей истории человечества, именно теперь становится главной чертой современности. Что таковой ничтожность сделала

является антагонистом любой бытийственности, пусть и наимельчайшей.

Потому что когда какой-то очень мелкий, то есть ничтожный человек связан с определенными малыми бытийственными величинами, он в силу реальности этих величин каким-то образом соприкасается с этой самой реальностью. И всегда есть шанс, что такое соприкосновение в нем что-то пробудит. Например, такой ничтожный человек очень мелко и уродливо привязан к дражайшей половине, домику и садику, бессмысленно опекаемому ребенку, наследующему бессмысленность подобной опеки, какому-нибудь животному, каким-то своим мелким утехам. Все эти привязанности, сколь бы они ни были деформированы, всё равно связаны с реальностью. И никто, вы понимаете, никто не может утверждать, что подобная связь никогда не выведет связанного с той или иной ничтожностью представителя хомо сапиенс на то великое, что в себе содержит реальность.

Может быть, такой выход от ничтожного к великому представляет собой огромную редкость и предельно маловероятен. Но эта вероятность никогда не равна нулю. Потому что ничтожности, к которым привязан ничтожный человек, нельзя полностью оторвать от реальности, а значит, от великого. Притом что в основе такого величия всегда находится дух и душа, творчество и любовь в их сложном взаимоотношении.

Спору нет, ничтожное проще, чем великое (оно же — героическое), оторвать от реальности, сущностью которой являются творчество и любовь. И в этом смысле так называемой дегероизации, осуществлявшейся и на Западе после разгрома нацизма, и в Советском Союзе. Поэтом дегероизация смертельно опасна. Но даже в случае, когда она носила совсем уж вопиющий характер, кощунственно противопоставляя безумию героев сопротивления нацизму аполитичность маленького человека, погруженного в свои малые ничтожные заботы, такое противопоставление имело еще не абсолютный характер.

Да, больной поэт, от лица которого описывает ситуацию Багрицкий в своем стихотворении «ТВС», поэт, в сознание которого «плесенью лезет туберкулез», проклиная мир, состоящий из мелочей, из ничтожностей, осознавая его как антагониста величию любви и духовности:

*Под окнами тот же скопческий вид,
Тот же кошачий и детский мир,
Который удушьем ползет в кровях,
Который до отвораченья мил,
Чадом которого ноздри, рот,
Бронхи и легкие — всё полно,
Которому голосом скворца
Напоминать о себе дано.
Напоминать: «Подремли, пока
Правильно в мире. Усни, сынок».*

Но ведь даже этот мир всё же до отвораченья мил поэту. То есть он поэтом любим. А если есть любовь, то все ничтожности такого мира не являются предельно сопряченными одному лишь злему началу. Конечно, поскольку они усыпляют, то они с этим злым началом связаны. И поэт чувствует это, противопоставляя усыпляющим, то есть зло творящим ничтожностям героическую жестокость садящегося на его постель революционера Дзержинского.

Тут герой является положительным полюсом создаваемого мироощущения

МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ВОЙНА

и мировидения. А на отрицательном полюсе — антигероическое усыпляющее действие мелкого начала, говорящего с поэтом голосом скворода.

Конечно же, именно такое противопоставление является подлинно гуманистическим. И даже не потому, что в нем героическое начало воспевается в качестве чего-то самодостаточного и единственно спасительного. При всей важности такого отношения к героическому началу еще важнее отрицание противоположного начала не просто как мелкого, а как стремящегося усыпить, то есть породить духовную смерть.

И именно в качестве такового скопеческий мир, говорящий голосом скворода, справедливо проклинался и религиозными деятелями, говорящими о погибельности духовной смерти, проистекающей из привязанности к мелочам, и Марксом, чья позиция в этом вопросе ничем не отличается от позиции религиозных максималистов, и революционными романтиками (тем же Байроном или Гейне), и великой мировой постромантической литературой, которая едина в этом вопросе. И впрямь ведь в этом вопросе позиция того же Золя, выдающего предельное зло в магазине «Дамское счастье», ничем не отличается от позиции Чехова, утверждающего, что мир гибнет от мелочей.

Но сколь бы пугающим ни был герой чеховского рассказа «Крыжовник», для которого всё на свете свелось к обожаемому им кустарнику, дарующему упоительные плоды, для Чехова этот герой все равно не чужд какой-то, пусть даже самой мелкой любви. Осуждая мелочность этой любви, Чехов не может не сочетать в этом осуждении презрения к мелочности объекта любви, презрения к низкому качеству этой самой любви с констатацией наличия, пусть и патологизированного донельзя, но все равно любовного, то есть в каком-то смысле живого начала.

Чеховский человек с молоточком предупреждает о том, что, патологизируясь и умаляясь, это живое начало обрекает себя на исчезновение, на превращение в окончательно безлюбость. Но губительность подобного превращения не порождает ни у Чехова, в какой-то степени терпимого к мелочам так называемого мещанства, ни у Горького, который к подобного рода мелочам относится с яростным неприятием, безразличия к связи мелочей с реальностью, в которой всегда есть место для творчества и любви.

Человек может долго съедаться этой мелочностью, этой мещанской ничтожностью и не быть погубленным ими до конца. Он может в конце жизни или в условиях экзистенциального кризиса, описанного, например, в «Дуэли» Чехова, нащупать связь между этими мелочами и порождающей их реальностью и выйти через эту связь на какое-то подобие спасения.

То есть измельчание бытия, понижение его качества наращивает погибельность, но не делает эту погибельность абсолютной. Абсолютной же эта погибельность становится только тогда, когда измельчание бытия, оно же — ничтожность, превращается в то, что я называю ничтожностью.

Да, измельчание бытия прокладывает дорогу к такому превращению. И даже обуславливает его. Но одно дело — губительное движение по пути, ведущему к аду земному, дарующему его обитателям то, что я называю ничтожностью, и другое дело — добровольное приобщение на территорию этого ада, суть которого, кто бы что по этому поводу ни говорил, на самом деле, конечно же, сводится к абсолютному отчуждению человека от его родового начала, в основе которого — великая в своей простоте сущность бытия, она же — творчество и любовь.

В аду нет места творчеству и любви. И ад при этом требует, чтобы человек сам сделал выбор, отказавшись от этого. Ад может подталкивать человека к этому выбору, оказывая на него определенное

давление. Ад может изымать у человека то, что позволяет противостоять такому подталкиванию. Но в конце концов человек должен сам проклясть творчество и любовь. То есть сломаться. Ад — это территория сломенности. Она же — территория ненависти. Об этом говорит черт Ивану Карамазову, и об этом же говорит черт герою романа Томаса Манна «Доктор Фаустус».

Отказ от творчества и любви должен осуществляться человеком, который соблазняется каким-то приобретением, порождаясь подобным отказом. И имя этому приобретению известно. У соблазняемого адом человека должна возникнуть иллюзия освобождения от страдания, от боли. Соблазняемому подобным образом человеку говорится: «Что такое эти самые страдания, боль утрат, боль нестерпимых обид? Это чувства! Если избыть всю сферу чувств, то эти чувства исчезнут! Мы тебе предлагаем такое избытие. Не хочешь — терпи страдания, которые будут всё более невыносимыми. Ты ведь понимаешь, что эти страдания, тебя терзающие, порождаются не муками тела, что у них есть другие источники. Мы можем помочь тебе в уничтожении этих источников, а заодно и страданий».

Я уже оговаривал, причем достаточно настоятельно, что не считаю подобную философию избавления от страдания путем погружения в пустоту чудовищным изобретением зловещего Востока, противостоющего благому Западу в силу своей особой сопричастности пустоте. Я столь же настойчиво оговаривал, что пустота пустоте рознь. Что есть позитивная и негативная пустота. И что не весь Восток присягнул негативной пустоте — ей присягнули только какие-то восточные школы.

Я настойчиво оговаривал также, что часть западных школ тоже присягнула этой негативной пустоте. И что по этой причине демонизировать Восток нелепо вдвойне. И что столь же нелепо противопоставлять злостной восточной приверженности пустоте благому западную приверженность тому, что эту пустоту не приемлет. И что противопоставление Востока Западу является внятным и несомненным лишь до той поры, пока ты не сталкиваешься с разного рода Домами мудрости, кочующими по миру цивилизациями, хранящими какие-то особые знания.

Всё это безусловно так. И любая попытка иного подхода к мировой истории может породить только ложную ясность в фундаментальных и более важных ныне, чем когда-либо ранее, вопросах о полноте и пустоте, раздробленности и целостности, динамике и неподвижности, напряженности и расслабленности. А нам нужна сегодня не такая ложная и упрощенная ясность, ведущая в никуда. Нам нужна сегодня, причем как никогда ранее, интеллектуальная и эмоциональная модель, более или менее адекватная подлинному существу происходящего. Причем такая модель, на основе которой можно осмысленно действовать в мире нарастающего отчуждения от смыслов как таковых.

Но я предлагаю ради построения такой модели на время отвлечься от условности целого ряда применяемых по сей день явно упрощенных разграничений. И на минуту — с методологическими целями — предположить, что есть восточные и западные религиозно-философские школы. И что есть религиозно-философские школы, присягающие негативной пустоте, равно как и школы, ориентированные на нечто прямо противоположное.

Поскольку для меня такие разграничения являются более чем условными и ориентированными только на определенный методологический результат, то могу предложить читателю считать, что эти разграничения имеют место на какой-нибудь другой планете.

Что жители такой планеты должны были положить в основу подобных разгра-

ничений? Какая радикальность могла бы быть положена в их основу? Что должно было быть неким экстремумом в том, что касается культивирования негативной пустотности?

В основу разграничения школ, ориентированных на негативную пустотность и на нечто другое должно было бы лечь отношение к душе. И совершенно не важно, что было бы вложено в такое отношение. Как понималась бы душа теми или иными философско-религиозными школами, притом что представления о душе в разных школах являются поразительно сходными.

Главное различие должно было бы возникнуть по поводу того, что такое обладание душой. Хорошо это или плохо?

Коль скоро возникло бы яростное противостояние по этому вопросу между разными школами, то вопрос не мог бы сводиться просто к тому, нужно ли спасать или погубить душу. Такое различие не носило бы окончательного характера. Потому что обычные ревнители погубили этой самой души, они же сатанисты, просто говорили бы о том, что душу надо продать Дьяволу для того, чтобы получить определенные блага земные. Но что после смерти эта проданная Дьяволу душа будет мучиться в аду. А значит, те, кто ее продали, совершили, образно говоря, неэквивалентный обмен. Они за временные земные приобретения обрекли душу на вечные мучения.

Подобный поступок очевидным образом являлся бы признаком слабости, неразумия, помрачения. И не мог бы прославляться по-настоящему.

Для того чтобы апелляция к негативной пустотности, она же — ничтожность, могла стать по-настоящему мощной и убедительной для ее сторонников, надо было бы, во-первых, сказать, что душа вообще есть нечто отвратительное, то есть то, что надо не передать кому-то в руки, а уничтожить. И что, во-вторых, такое уничтожение, не имеющее ничего общего с передачей души в руки Сатаны, возможно в принципе и может быть осуществлено за счет таких-то и таких-то операций, которые на философско-религиозном языке именуется таинствами.

Но любое таинство — в его философско-религиозном понимании — творится кем-то. И этот кто-то должен иметь определенные побуждения для того, чтобы заниматься чем-то подобным.

Если то начало, которое религиозно-философские школы называют сатаническим, имело побуждением завладение душой, то каковы могут быть мотивы у того начала, которое хочет от души избавиться?

Образно говоря, одно дело — сбор макулатуры или металлолома с такими-то целями.

А другое дело — уничтожение того, что ты собираешь. Зачем ты это собираешь, чтобы уничтожить? Тут может быть только одна причина — тебе мешает наличие того, что ты уничтожаешь. Экологу, к примеру, мешает наличие мусора. И потому он хочет его уничтожить.

А другому-то представителю иного мировоззрения душа должна мешать примерно так же, как экологу мешает мусор. Или как-то иначе. Но в любом случае она должна быть очень масштабным препятствием на пути достижения очень масштабного результата. Причем таким препятствием должна быть не только каждая индивидуальная душа, но и душа как собирательное целое. И преодолеть это препятствие можно не за счет определенного способа взаимодействия с конкретными душами и тем началом, которое по отношению к этим душам является собирательным. Взаимодействию ты с ними, пестуя или осуществляя мучительство, в этом случае не важно. Потому что и в том, и в другом случае ты длишь их существование. Тогда как твоя задача только в том, чтобы его прекратить.

Предлагая читателю определенную цепь умозаключений, я хочу еще раз ого-

ворить их сугубо методологический характер. То есть то, что в момент осуществления этих умозаключений я как методолог должен вывести себя за рамки любых представлений о том, чем на самом деле является предмет анализируемых мною воздействий. Притом что в данном случае таким предметом является душа.

Если я осуществляю методологическую рефлексию на некие подходы по отношению к данному предмету, то в момент рефлексии я не должен размышлять о том, чем именно для меня является данный предмет. Я должен обсуждать только то, чем он является для анализируемых мной религиозно-философских школ.

Даже если эти школы заняты разработкой тех или иных способов обращения с тем, что для меня является фикцией и чего реально в мире не существует, это не должно иметь какого-либо значения в случае, если речь идет о методологической рефлексии. Ты не должен себя в этом случае спрашивать: «С какой это стати тысячелетиями занимаются чем-то, что на самом деле отсутствует?» Или: «С какой это стати я обсуждаю судьбу того, что для меня лично является тем-то и тем-то, коль скоро это, являясь тем-то и тем-то, не может обладать той судьбой, которую я обсуждаю?»

Занимаясь методологической рефлексией, я временно должен встать в позицию тех, чьи цели я обсуждаю. Реальность осуществления этих целей, а также реальность существования того, чья судьба является основой данного целеполагания, не имеет для меня как методолога никакого значения в момент, когда я реконструирую определенные операции, осуществленные с определенными целями.

Никоим образом не приравниваю то, что является предметом моей реконструкции к тому, что я сейчас приведу для разъяснения сути дела. Но поясняющие примеры важны в таких случаях. И совершенно не обязательно должны один в один совпадать с тем, что именно поясняется. Еще раз оговорив отсутствие такого совпадения и лишь поясняя суть проводимых мною методологических реконструкций, скажу, что в каком-то и только каком-то смысле, они в чем-то сходны с работой следователя.

Следователя, к примеру, абсолютно не интересует реальность целей психа, расчленяющего тела жертв. Следователю нужно понять мотивы психа для того, чтобы не допустить новых расчленений. И только с этой точки зрения мотивы психа для него очень важны. Он будет изучать существо данной психопатологии, традиции, в рамках которых эта психопатология реализовывалась ранее, мощностю этой традиции, от которой зависит мощностю преследуемых им преступных групп и так далее.

Вот так и я занимаюсь исследованием определенных религиозных традиций, абстрагируясь от того, что именно они знаменуют собой в действительности. Мне в данном случае важно то, существуют ли такие традиции и насколько они слабы или сильны. Если они существуют и если они сильны, то их следует изучать. Равно как следует изучать и то, насколько эти традиции могут повлиять на судьбу того, что тебя интересует. В данном случае — на судьбу гуманизма в XXI столетии. Может, эти традиции своей цели и не достигнут, но при этом так изгадят мир, что дальше некуда. Разве этого не достаточно, чтобы их исследовать?

Итак, кто и зачем может хотеть не совратить, не направить на путь погубели то, что именуется душой, а полностью уничтожить всё, что с этой самой душой связано? Причем не только то, что связано с отдельными душами, но и некое собирательное начало? И как это связано с обсужденной нами ничтожностью, а также тем ее изменением, которое я называю политическим брейгелианством?

(Продолжение следует.)

НАША ВОЙНА

Герой романа уезжает в Луганск не Родину спасать или помогать людям, а просто потому, что может. Его поступок — это акт борьбы с «тоталитаризмом», который воплощен в любой политической организованности, в дисциплине, в слове «надо», в убежденности и вере

Мимокрокодиловы слезы, или Много шума из пустоты

То, что «толстые» литературные журналы в нашей стране давно превратились из властителей дум в некий варящийся в собственном соку реликт, не секрет ни для кого. Особенно печальна судьба изданий, считавшихся в конце прошлого века «патриотическими» и «оппозиционными». Похоже, они так и не оправались от массивной либеральной травли и привыкли к искусственно навязанной им маргинальности. Этакая клошарская обустроенность в уютной нише под мостом сквозит прежде всего в падении требований к печатаемым произведениям. Как-то так вышло, что злостный посыл оказался важнее художественного содержания, а это для издания литературного, а не чисто публицистического — явная погиль.

Наверное, не стоило бы и вовсе говорить о «романе» Андрея Тимофеева «Пробуждение», напечатанном в мартовском и апрельском номерах журнала «Наш современник» за этот год, если бы этот весьма вялый и художественно ничтожный текст не стал поводом для целой бури страстей в одном отнюдь не литературном издании. Но нельзя же сразу переходить к этим страстям, не рассказав об их номинальном предмете, так что прошу читателей набраться терпения.

Тимофеев, как указано в аннотации, автор хоть и молодой, но уже довольно маститый, лауреат двух премий (правда, одна из них учреждена все тем же «Нашим современником»), член правления Союза писателей России. То есть и качества от текста, предваренного таким списком регалий, ожидаешь, как минимум, крепкого. Однако...

«Эта история началась для меня 15 марта 2014 года, накануне референдума о статусе Крыма. В ту холодную промозглую субботу на улицах Москвы, казалось, было столько же людей, сколько и в обычный выходной день, и никто никуда не спешил, и не происходило ничего особенного. Но где-то у метро, на автобусных остановках, в уютных кафе собирались тысячи людей — собирались, чтобы разделить потом на две части, на два больших митинга. Один должен был состояться на проспекте Сахарова — мои знакомые называли его белоленточным и говорили, что всем пришедшим на него раздают по тысяче рублей. О втором, начинавшемся рядом с метро «Трубная», я знал совсем мало, но в нем собирался участвовать мой друг и сосед по съемной квартире Андрей Вдовин, человек мрачный и суровый, а потому и митинг этот представлялся мне именно таким».

Такое начало куда больше приличествует мемуарам, чем беллетристике. Причем, мемуарам, подвергшимся минимальной художественной обработке. К тому же, сразу видна явная ирония по отношению к странному людям, верящим, что всем участникам многотысячного митинга можно раздать по тысяче рублей, и при этом «людям мрачным и суровым». А предубеждение, проявленное «во первых строках» — плохой признак.

Томас Роулендсон. Комната гения. 1812

Кто же человек, являющийся виртуальным автором этих «мемуаров», как он характеризуется автором настоящим? С самого начала его главная роль — сторонний наблюдатель, чье главное стремление в жизни — иметь возможность «чувствовать тонко, но при этом быть защищенным». Он сосед других главных действующих лиц, Андрея и Кати, причем сосед, наделенный почти сверхчеловеческой проницательностью, способный через стенку читать в сердцах:

«Я знал Катю давно и догадывался, что она сейчас злится, что Андрея нет дома: ей хотелось, чтобы, несмотря на все дурацкие договоренности, Андрей пропустил бы митинг, сделав ей сюрприз, на который она тайно надеялась. И от этой несбывшейся наивной надежды ей было сейчас обидно».

И это все угадано по хлопнувшей на кухне дверце холодильника. Чудеса! Наблюдателем главный герой остается и во время шествия и митинга в поддержку Крыма — по простой причине: ему даже в голову не пришло спросить, как можно к нему присоединиться, и пришлось бежать вдоль ограждения. Впрочем, присоединиться он и не собирался, как-то случайно все вышло, помимо воли:

«Наконец, остановились на перекрестке, до первых рядов было уже метров двести. Из-за железных ограждений, тянувшихся по всему предстоящему ей

пути, колонна казалась огромной ящерицей, закованной в тонкую броню. Красно-черные люди в ней теснились плечом к плечу, и где-то там стоял и Андрей. Я знал, что это шествие очень важно для него, и он сильно переживает, чтобы сегодня все прошло безошибочно, ведь в этот самый момент враг (он так часто произносил это слово — враг) обязательно наблюдает за их митингом с тревогой и ненавистью, и нельзя дать ему ни единого повода для радости».

Вновь сеанс «чтения в сердцах» и вновь образы, далекие от позитивных, — «огромная бронированная ящерица» и зачищенность участников шествия на образе врага. Плюс — претензия на документальность — сложно не понять, о каком именно митинге и о каком движении идет речь. Вскоре появляется и лидер движения — «маленький человек в меховой шапке», «хриплым голосом» «надрывно» и с «безумным ожесточением» выкрикивающий лозунги. И вот тут начинается большое удивление, не отпускающее до самого финала.

Где происходят события «романа» (до романа, даже с натяжкой не доросшего ни по охвату событий, ни по глубине художественного анализа)? В некоем параллельном мире? Но тогда зачем такая фотографическая точность в описании колонн и выверенность места и времени? А если в реальной Москве 2014 года, то

кто такой этот «маленький человек в меховой шапке»? Таких на сцене митинга под лозунгом «В Москве Майдану не бывать!» не было.

Дальше все же становится ясно, что описываемый Тимофеевым мир действительно параллельный. Ибо не существуют в реальности движение «Суть» и его лидер Сергей Владленович Кургузов. Зато существует движение «Суть времени» и его лидер Сергей Ервандович Кургинян, действительно проводившие 15 марта 2014 года марш в поддержку возвращения Крыма, названный потом Красным маршем.

И тут уже начинаешь думать не над художественными качествами текста, не радоваться немногим удачным образам и живым сценкам, расцветивающим сухое и бледное повествование, а над тем, что это такое и ради чего затеяно. Это памфлет, карикатура, социальная фантастика? Но так вообще-то не делают. Перемена нескольких букв фамилии, укорачивание названия и старательное искажение деталей не превращает отражение в кривом зеркале в литературный памфлет. Как говорится, отмазка не катит. Такое сплошь и рядом происходит в Сети, где подобные «дразнилки» получили прискорбное распространение, но никто не называет это литературой.

Некоторые детали «романа» и вовсе напоминают изящный донос. Например, один из главных героев, Андрей, рассказывая о политической школе в «Ва-

НАША ВОЙНА

сильевском», говорит, что «на этот раз» в программе были «в основном, спорт и стрельбы». Что это, как не клеветнический намек на «экстремизм» с оставленной лазейкой для отступления — «не-не-не, это художественная литература, все события вымышлены, совпадения случайны»? Похоже, о реальных школах — не в «Васильевском», а в Александровском, автор то ли не имеет никакого представления, то ли преднамеренно конфабулирует (а если по-простому — врет). Иначе непонятно, почему ни одна из деталей — даже вполне невинных — не совпадает с реальностью, а некоторые являются отвратительным, кощунственным вымыслом — например, сцена демонстрации некоего крайне натуралистического ролика с фотографиями тел погибших в Донбассе членов организации:

«Вместо занятий их собрали в тот день в большом зале и показывали документальный фильм про трех ребят из Сути, которые отравились воевать на Донбасс и погибли во время летнего наступления украинской армии... Кургузов специально привез из Москвы проектор и железный тубус, похожий на гранатомет, из которого вытягивалось белое полотно экрана, чтобы еще раз натопить сутевцев ненавистью к врагам. Он сам пошел за пульт, и в темном зале, заглушая закадровый голос, принимался говорить резко, как стреляя очередями: мы должны запомнить эти лица... мы должны жить так, чтобы не стыдно было перед героями... На экране крупным планом показали рваную рану, ошметки человеческого мяса, заежившуюся кровь, и Катя почувствовала, что ее сейчас стошнит прямо под ноги... Кургузов стоял невероятно близко, в полуметре от ее стула — Катя ощутила, как трясутся его руки в приступе ярости, как от надрывного голоса дрожат под потолком сетки на окнах, и тогда вдруг подумала, что настоящий план Кургузова — не Андрея забрать на Украину, а вырастить ее ребенка в «ячейке», зомбировать его ежесекундно «надо отомстить, надо победить», а потом вырвать из Катиных рук, чтобы он пошел на какую-то новую войну и лежал бы вот так вот, перемолотый на бойне, ее красивый русский мальчик...»

«Красивый русский мальчик», к слову сказать, оказался таким же фантомом, как и вышеописанное, — Катя не была беременна. Трое сутевцев действительно погибли в Донбассе, но не в 14-м, а в 15-м году и в настоящем фильме о них не было и не могло быть никаких натуралистических кадров, зато были трогающие до глубины души интервью с матерями погибших. Такое же вранье — описание школьного быта с отсутствием элементарных удобств и нудными «изматывающими» занятиями за древними партами для первоклашек, где фигурируют «проклятые либералы, которых нужно было победить, коммунисты, которые всегда все делали правильно». Как известно, одним из главных постулатов идеологии «Сути времени» является наличие серьезных ошибок у строителей СССР, из-за которых он и рухнул, чего не может не знать автор, перелопативший немало материала. А забота о гигиене и здоровье участников школ лично меня по приезде на ту самую школу 14-го года потрясла до глубины души и с годами она становилась только лучше — вплоть до сбора результатов медицинских обследований, чтобы никто нечаянно не навредил себе излишним рвением на спортивных занятиях.

Впрочем, описания повседневной жизни ячейки не менее забавны. Во-первых, описанные «собрания» куда больше похожи на «дни открытых дверей», куда кто угодно может приходиться раз за разом и сидеть в уголке, даже не называя своего имени, и слушать выступающих с трибуны.

Во-вторых, деятельность — весьма скупо перечисленная — показана в мрачных красках и выглядит чем-то нудным, безрадостным, да и бесполезным. Неудачному дождливому пикету уделено непропорционально много времени, так, чтобы читатель проникся мрачным и упадочным настроением. К тому же старающаяся не падать духом Варвара показана с явной иронией. Не лучше выглядит сбор и учет гуманитарной помощи:

«В целом работа напоминала прием товара в магазине — изматывающая и однообразная. Леша-поэт заполнял большую тетрадь, какие бывают у кассиров в торговых киосках, а остальные таскали коробки с тушенкой, лекарствами и снаряжением и сортировали их».

В общем, сплошная рутинка и никаких фейерверков. Дальше — больше:

«Леше-поэту наскучило заполнять кассовую тетрадь, он достал полуторалитровую пластиковую бутылку, и они с Владом Шукой начали по очереди отхлебывать из нее. Работа не прекратилась, но оба стали заметно хмелеть... Шука поднимал в себя новую порцию, а потом, поднимая груз, багрел и по-стариковски кряхтел. Леша-поэт ставил неровную пометку и, не дожидаясь друга, делал внеочередной глоток».

Об этой пьянке во время работы общается как бы походя, без удивления, никто из товарищей не осуждает выпивающих, словно бы это что-то обыденное (в реальной «Сути времени» выпивка категорически не приветствуется даже на праздниках, не то что во время работы). И хотя Володя чувствует воодушевление после сделанного «добраго дела», жирная клякса на этом деле и на делающих его людях поставлена. Нет в этих людях ничего особенного, никакие они не новые. А значит, вся их активность и декларации гроша ломаного не стоят. Да и такое ли уж полезное дело — весь этот сбор «гуманитарки»? Ведь собирают, похоже, всякую ерунду, с которой, по словам «бывалого» человека, «до Киева не дотопашь».

Ну, а что же идеология организации, вокруг которой вертится повествование? А ее, в общем-то, и нет. Есть бессмысленное нагромождение цитат из старательно начитанных текстов и наслушанных роликов, как будто составлением якобы звучащих на собраниях и митингах речей занимался компьютер. В результате произносимые слова полностью обесцениваются, превращаются в шум и трескотню, в лучшем случае — в мертвый конспект, составленный «на отвязь».

В результате у читателя создается впечатление о «Сути» как о собрании то ли мрачных фанатиков, старательно культивирующих в себе ненависть к инакомыслящим, то ли ханжей, которые не против «расслабиться» в свободное от произнесения речей время, зато несоразмерно гневно клеймят товарищей за сущие мелочи. Лидер движения и вовсе выглядит каким-то зловещивающим кукловодом, который тайком отработывает свои манипулятивные приемы перед зеркалом.

Художественная литература? Да полно! Чуть ли не в каждой строчке, касающейся изображенной организации, проглядывает банальная заказуха. Сложно представить другие мотивы у автора, который сам в движении «Суть времени» явно не был (иначе не довольствовался бы полетами фантазии там, где вполне можно было бы добавить реальных деталей), но тщательно и усидчиво перелопатил кучу материала, чтобы создать карикатуру, способную сойти для непосвященных за портрет. Если исходить из политической «ориентации» «Нашего современника», «заказ» мог поступить справа — недаром истории со Стрелковым уделено довольно много внимания, при этом сомнения в справедливости критики беглокомандующего подпускаются тонко и исподволь.

Впрочем, в самом деле, стоит вернуться к художественным статьям произведения. Прежде всего, к образу рассказчика.

Из текста мы узнаем, что рассказчик Володя Молчанов (фамилия, несомненно, говорящая) явно сочувствует нежной православной девушке Кате, вынужденной маяться с возлюбленным-фанатиком и ненавидящей все, связанное с его политической жизнью. Более того, он когда-то был в Катю влюблен и был бы не против и теперь ее «утешить», но для этого слишком хорошо воспитан (или слишком робок). А вот с другим соседом — украинцем Ромой — он общается легко и свободно. Рома не любит «сепаратистов» и поддерживает Майдан, но от исторических перипетий сбегает сперва в Москву, а потом и в далекий жаркий Таиланд — вероятно, также в погоне за «тонким чувствованием и защищенностью».

А еще Володя явно боится единения людей ради общей цели:

«Я досмотрел трансляцию, а потом долго еще сидел в темноте и думал, что утром на площади было столько разных людей, их голосов, их мыслей и переживаний, а теперь всего этого нет, исчезло из мира навсегда, а остался только ролик, на котором все просто и грубо. И от этой безвозвратной утраты мне было грустно».

При этом он берется судить других людей с высоты познавшего истину мудреца:

«Андрей, наверно, был хорошим человеком — мне нравилось то, как он страстно пытается различить добро и зло, и только не совсем то считает добром, и не совсем то злом... И меня часто пугала его налитые ненавистью, ничего не видящие глаза в те моменты, когда Андрей говорил о каких-нибудь либералах или других врагах, и страшно было подумать, до чего же он может дойти в своем ожесточении...»

На собраниях ячейки Володя начинает ходить тоже как естествоиспытатель, скорее даже как лазутчик — чтобы узнать, не нужно ли в самом деле спасать Катю от «сектанта» Андрея «и просто из любопытства». Всем присутствующим он тут же начинает давать оценки. Вот, например, одна из самых активных участниц, Варвара:

«Она слушала, не произнося ни слова, но живо реагируя на каждое движение спора: то загоралась, то недовольно поджимала губы и, закрывая глаза, откидывалась на спинку стула, словно каждый говоривший пробуждал в ней то ли женскую страсть, то ли жгучую ненависть. Одетая она была в черную бархатную блузку с открытыми плечами, может, даже слишком открытыми для политического заседания... Ей подошло бы быть директором какого-нибудь государственного учреждения, нетерпимой к тем, кто нарушает дисциплину, говорила она уверенно, даже жестко».

«Женская страсть» и «слишком открытая блузка» не случайны — между Володей, так и не оставившим своего аморфного безволия и апатичности, скрытой за болезненной чувствительностью, и активисткой Варварой вскоре вспыхнет внезапный и труднообъяснимый роман. Но о романах в романе позже. Пока же Володя, так и не вовлекшийся в дела организации и вскоре даже переставший ходить на собрания, с ностальгией вспоминает о своем «увлечении» христианством, которое, впрочем, тоже так и не вылилось ни во что серьезное. Позже страстная воинственная вера Вари пугает его так же, как убежденность Андрея.

Точка зрения, с которой ведется повествование, по ходу дела совершенно немотивированно перескакивает с Володи Молчанова на других персонажей, это удивляет и раздражает. Как будто бы рассказчик — не автор, а один из героев! — действительно оказывается телепатом и начинает смотреть глазами других людей на то, что происхо-

дит в их душе и мыслях. В результате текст морщится, идет непонятными складками и становится таким же бесформенным, как характеры персонажей, биографии которых больше напоминают краткие досье, чем художественные жизнеописания. Все это истории метаний в поисках чего-то настоящего в жизни, какой-то опоры, подлинной ценности (что, в общем-то, действительно свойственно поколению).

Что же в итоге оказывается по-настоящему ценным для Володи, а вместе с ним, вероятно, и автора? Любовь. Правда, не в высоком духовном смысле, а исключительно в душевном. Не вселенская движущая сила, а нечто теплое и утешительное. Самым важным оказывается не то, правы ли герои или заблуждаются, а насколько они приятные, отзывчивые и компанейские люди. Насколько Володе комфортно в их окружении. Главное, чтобы к нему, Володе, относились с ласковой теплотой, ничего от него не требуя.

Что касается любви между мужчиной и женщиной, то и здесь, как говорится, все сложно. Среди любящих нет ни одного счастливого человека, автор сводит вместе заведомо неподходящих друг другу людей и смотрит, что получится. Получается предсказуемо грустно. Люди ссорятся, мирятся, расстаются, порой сходятся снова, но счастья как не было, так и нет, есть решение терпеть, несмотря на отвращение к убеждениям любимого, — или не терпеть, порвать все и кинуться в объятия нелюбимого, но зато единомышленника. Третьего не дано.

А где же «пробуждение», заявленное в заглавии? Можно ли считать поступком пробужденного совершенно подколесинское десантирование Володи из отправляющегося на политическую школу поезда — хорошо, что не на ходу? И это при том, что никаких обязательств брать на себя его по-прежнему никто не заставлял, так что сбегал он от самого себя, от своего безвольного «хвостизма». Понять, что ты сих пор плыл по течению или на чужом буксире, и перестать это делать, тоже важно для начала, но на поступок не тянет. Или настоящий поступок героя совершает в финале, когда уезжает в Луганск, один, с сумкой инсулина? Так ли это?

Если задуматься, то всё, абсолютно всё, что делает Володя Молчанов, — это не поступки, а порывы под влиянием чувств, неопределенных и смутных. Володя понятия не имеет, куда сунуться в Луганске с инсулином — с ненулевым шансом лекарство попадет в руки спекулянтов. Он совершенно не разбирается в тамашней обстановке, у него нет связей. Эта поездка не имеет никакой практической цели и смысла, кроме тех, с какими Раскольников шел убивать старуху-процентщицу — доказать себе и миру, что он не тварь дрожащая, а право имеет. Но это, извините, не поступок взрослого мужчины, а эгоистическая дурь. Автор пытается доказать нам, читателям, что дурью была лишь первая, неудачная попытка, закончившаяся все тем же бравым подколесинским скачком. Что за сутки блужданий по Москве герой резко повзрослел, отрастил себе более благородную мотивацию и стал настоящим патриотом и альтруистом. Стоит поглядеть, как он выглядит, этот молчановский патриотизм, и как он сам объясняет свое решение.

«По дальним районам, почти у самого горизонта, клубился серый туман, как дым от разрыва снарядов, и размяченным сердцем я легко поддался этому видению. Будто огромное неведомое зло уже пришло сюда, и зеленые машины с огромными трубами стреляют за Москвой-рекой, и скоро не будет ни этих ребят, ни киосков с глинтвейном, от которого становится тепло на смотровой площадке Воробьевых гор, ни либералов и патриотов — ничего».

НАША ВОЙНА

Окончание. Начало — на стр. 10–11

Но морок прошел, и я подумал: почему я верю этой лжи, все будет — и шарик, и люди, и дома, и не погибает моя Родина, и я с ней не умираю. Тоталитаризм, вспомнил я случайные слова в толпе и слова Ромы из письма. Моя начальница с работы, Галина Евгеньевна, тоже часто вспоминала про тоталитаризм. И, наверно, они были правы, раз вместе, не сговариваясь, произносили одно и то же. Но тоталитаризма нет в мире — в воздухе, в городе, в поездах, мчащихся вглубь России, в ее бескрайних пространных пространствах; тоталитаризм может быть только внутри нас. Но вот я могу сделать так, а могу — иначе, у меня есть жизнь, и я могу прожить ее, как хочу: я могу остаться в Москве, но выбираю уехать туда, где больше и тяжелее, и не потому, что воображаю, что кого-то спасти, а потому, что сам так хочу, потому что это важно для меня, и если я выбираю свободно, то никакого тоталитаризма во мне уже нет».

То есть Володя не верит в угрозу гибели для России и в необходимость ее спасения. Он уезжает в Луганск не Родину спасать или помогать людям, а просто потому, что может. Потому что ему так захотелось, а не потому, что так нужно. Его поступок — это акт борьбы с «тоталитаризмом», который воплощен в любой политической организованности, в дисциплине, в слове «надо», в убежденности и вере. В финале герой остается одиноким и свободным, как улетающий воздушный шарик, едущим в полную неизвестность. Впрочем, в последнюю минуту он едва не совершает еще один подколесинский «подвиг». Конечно, Бог троюбокого любит и, возможно, эта трусливая судорога последняя. Но до Луганска еще ехать и ехать, а настроение у Володи меняется слишком часто, чтобы поверить в окончательность его решения. И это следует считать пробуждением? Куда больше это напоминает переход в другую фазу сна, с более яркими сновидениями, как бывает у собак, когда они могут, не просыпаясь, вскочить и пробраться по комнате, чтобы врезаться в стенку лбом...

Сложно понять, какова при этом позиция автора недоромана. Серьезно ли заглавие или в нем кроется злая ирония? Совершенно ли автор Володе и вообще хотя бы одному из героев? Авторская позиция отсутствует. Точнее, она прорывается наружу в одном — в плохую замаскированной неприязни к организации, которую Тимофеев взялся лживо и фальшиво изобразить в своем произведении. Похоже, что главная причина неприязни в том, что «Суть времени» является, собственно, организацией, всерьез заряженной на политическую борьбу, а не собранием новых кипици с «размягченным сердцем», выступающих за все хорошее. За «любовь» того самого сорта, которую Маяковский называл «маленьким, смирным любеночком». К тому же это организация коммунистическая, при этом состоящая из молодежи, смотрящей в будущее, а не из бессильно ностальгирующих старичков и хитрых карьеристов-приспосабливцев. Вероятно, кому-то очень захотелось изобразить горячий патриотический настроенный читатель даже не подумав посмотреть в эту сторону (несколько раз упоминаемое автором «черное сердце» Данко на монохромном рисунке с головой выдает эту плохо скрытую цель).

Итог сей операции по угашению огня закономерно уныл. По прочтении «романа» остается чувство досады и мутной тошкы на душе, словно тебя в хмурое осеннее утро накормили остывшей манной кашей с комочками. Если это «пробуждение», то явно не с той ноги. Остается рассматривать появление этого текста как симптом духовной болезни, которой страдают многие современные молодые интеллигенты — к большому счастью, не все.

В общем, пролистать и забыть. Но тут-то и начинаются странности...

Совершенно неожиданно КПРФ затеяла масштабное обсуждение откровенно слабого текста в газете «Правда», а затем и в территориальных отделениях КПРФ. Зачинщиком обсуждения стал Виктор Кожемяко, опубликовавший в 98-м номере «Правды» за 6–9 сентября статью под заглавием «О трудном пробуждении молодых среди смуты». Автор пригласил читателей к обсуждению «романа» на страницах газеты, мотивируя это тем, что «это крайне редкий опыт обращения к важнейшей теме» (молодым коммунистам). При этом он всячески рекламирует и журнал, и автора, но самому произведению оценки не дает. Однако, не забывая указать на то, что «на митинги, демонстрации выходят под красными знаменами представители самых разных группировок, «фронтов» и «движений», позиционирующих себя как коммунистические. С одним таким «движением» мы встречаемся в «Пробуждении». Ребята считают себя коммунистами, не подозревая, что им предназначена иная, коварная роль», то есть в этом пункте Кожемяко все ясно, настолько, что он не дает участникам грядущего обсуждения определиться самим. Кожемяко практически организует всеобщую мобилизацию на обсуждение книжки по принципу «прочти и передай товарищу» — вот как все серьезно!

И завертелось! В номере 104 от 20–23 сентября выходит отзыв Алексея Парфенова, рабочего из города Дмитрова, члена ЦК КПРФ. Кратко пересказав содержание «романа» и не уделив ни строчки его художественным достоинствам, он с налету обрушивается даже не на вымышленную организацию «Суть» и ее лидера Кургузова, а на «Суть времени» и Сергея Кургиняна. В самом деле — вот где горячо, а вы с литературой какой-то... Парфенов перечисляет все претензии героев к «Сути» — «секта», «истерика», «одержимость», «сумасшедший», «кремлевский проект» и припечатывает: «А в этой самой «Сути» нет марксизма. Культ личности Кургузова — Кургиняна, обязательное изучение его произведений есть, а марксизма — нет» и объявляет «Суть времени» хитрым планом буржуазии, которая «постаралась направить стремление молодежи в безопасное для себя русло».

В номере 108 от 1–2 октября выводит заметка Михаила Абдалкина, первого секретаря Новокуйбышевского обкома КПРФ (то есть опять отнюдь не рядового члена партии!) «Всего лишь Порыв». И он вместо обсуждения романа кидается обличать злосчастную «Суть» и заодно хвастаться «конкретными делами» КПРФ, самое конкретное из которых, конечно же, участие в буржуазных выборах. И на собраниях-то сутевцы говорят не о конкретных делах — обличении местных коррупционеров и борьбе с «мусорными» поборами, а о какой-то «целостности» и других непонятных вещах. И вообще эта организация создана капиталистами, «чтобы не допустить молодежь к осознанной борьбе за свои права, за справедливость в рядах КПРФ и ее сторонников». «Порыв» же Володи Молчанова помочь жителям Луганска молодой функционер КПРФ критикует не за неподготовленность и наивность, а за то, что... жителям Донбасса вообще помогать бесполезно и не стоит!

«Парень, судя по всему, еще не понимает, что в капиталистической России миллионы наших граждан не получают квалифицированной медицинской помощи и не могут купить на свои деньги необходимые дорогие лекарства. Да и вообще не сводят концы с концами! Страна задыхается от произвола олигархов и чиновников, которые душат народ тарифными, то пенсионной удавками. И виноваты в этом не украинские «нацики», а нынешняя российская власть».

То есть российская власть хуже бандеровских фашистов, и «настоящий коммунист» должен бороться именно с ней, оставив жителей Донбасса настоящим фашистам на растерзание. Яснее, пожалуй, и не скажешь...

И, наконец, в номере 129 от 21 ноября выходят аж два материала: довольно крупная статья «Приглашение к размышлению» Виктора Василенко, члена Союза журналистов СССР из Белгорода и «Разобраться в том, кто же слева» — запись живого обсуждения в Омском обкоме КПРФ.

Василенко, в отличие от предшественников, разбирает произведение в целом и образы героев, порой даже достаточно точно их анализируя. Но вот как только дело доходит до все той же «Сути», анализ заканчивается, и начинаются бездоказательные ярлыки, которых нет даже у Тимофеева, старающегося постепенно «наводить» читателя на «нужные» мысли: «Провозглашает себя это политическое движение коммунистическим, а на самом деле все оборачивается хитрой подтасовкой». Каково с виду это «самое-то дело» совершенно непонятно. Кургузов назван — столь же бездоказательно — «смутной личностью» и «ловцом душ». Пытаясь переплюнуть автора «романа», Василенко совершает воистину великолепный логический кульбит — раз на столах у членов «Сути» присутствуют книги Кургузова, но не упоминаются книги Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, значит, делает вывод журналист, «для лидера движения «высший смысл» — исключительно он сам». По такой логике, если на столе у людей за обедом обычно лежит хлеб, значит, все остальное — только приправа к этому главному блюду.

«Кургузов безраздельно царит в умах членов движения. Он сам себя всячески «насаждает», — пишет Василенко. — Владимир, впервые попав на собрание «ячейки», сразу отмечает, что мнение лидера здесь высший аргумент в защиту истинности того или иного утверждения: «...отовсюду слышалось «Сергей Владленович говорил...», «а вот Сергей Владленович...» — имя это обладало магической силой». Еще одно дивное логическое па, представляющее любого человека, пользующегося любовью и авторитетом, насадителем собственного культа личности.

В заключение автор рекомендует «роман» Тимофеева к прочтению молодежи — несмотря на то, что в нем нет никаких ответов, одни сплошные вопросы: «Если роман дойдет до широкого круга молодежи (а в интернете он уже распротраняется читателями), то наверняка будет способствовать духовному и политическому пробуждению тех, от кого во многом зависит судьба России». Недвусмысленный призыв активно распространять текст в интернете журналист даже не пытается особо спрятать.

А вот живое обсуждение в Омском обкоме неожиданно дает некоторый сбой. Наверное, потому собкор «Правды» Юлия Богданова была вынуждена обойтись «кратчайшим» изложением обсуждения. Большинству участников произведение совершенно не понравилось:

«Плюсом романа я бы назвал попытку разобраться в нынешнем левом движении, это смелое решение. Другой вопрос — удалось ли?»

«Мне этот роман читать было скучно. Вроде бы и тема близкая, и сам пишу на подобные темы, но в этом произведении мне не хватило реальной жизни, вовлеченности в процесс повествования».

«Тимофеев описывает молодежную организацию, надеюсь, что это не «кургиняновцы» как они есть, в точном, зеркальном отражении. Я знаю одного представителя этого движения, так вот он не фанатик, а совершенно вменяемый человек, нормальный, без всяких «заскоков».

«Ни в чем этот роман не может помочь, это мое убеждение. События отдалены от нас по времени и не воспринимаются актуально. Кроме того, на мой взгляд, в своем повествовании автор не смог сосредоточиться на какой-то определенной теме. Все как-то размазано. У некоторых героев чересчур развито «православие головного мозга» вперемежку с левыми идеями, у других — сталинизм вместе с идеями Кургиняна, определенной идеи, все слишком сумбурно и лоскутно».

«Если цель автора была предостеречь от чего-то молодых людей, жаждущих проявить себя в общественной деятельности, в политике, то ему это не удалось. Потому что, прежде чем человек поймет, о чем эта книга, ее надо прочитать до конца, а вот это уже тяжелый труд. Она не захватывает читателя. Это ее главный минус».

Участники обсуждения подмечают мутность и неинтересность главного героя, схематичность психологических портретов, неумение автора выстроить линию повествования:

«Он, конечно, пытался сделать не повесть линейную, а роман с несколькими сюжетными линиями, с несколькими человеческими линиями, делает вставки про Андрея, про Варвару, такие вставные как бы повести. Но почему-то с какого-то «перепуза» основная часть романа идет от первого лица, от имени главного героя — Владимира Молчанова, который, по сути дела, выполняет роль наблюдателя. Это известный сюжетный прием. Но Тимофеев не довел его, что называется, «до ума».

Самым забавным, пожалуй, стал комментарий одного из участников, обидевшись за родную Сибирь:

«В романе нет чего-то актуального для нас, для сибиряков... Эту пресловутую «кургузовцев», то есть «кургиняновцев», которые там описаны, у нас нет... Описанное в романе движение «Суть» показано как некое сектантство, у нас, повторяю, такого никогда не было. У нас нет той фанатичности, которая присуща этим ребятам, описанным в романе, вождизма нет. Не только в АКСМ, но и в других левых молодежных организациях. Сам не наблюдал такого и от других не слышал».

И невдомек парню, что «Суть времени» давным-давно и успешно действует в Сибири. Вот только узнать ее по КПРФовским, левацким и прочим карикатурам категорически невозможно.

Робкие голоса пытающихся найти в романе хоть что-то хорошее, практически заглушены критикой, причем — по существу. Итог подводится последней репликой: «Отрицательный результат эксперимента — тоже результат».

Остается понять, кто эти экспериментаторы, не только заказавшие Тимофееву аж целый роман (с заказом автор не справился, как ни старался), но изо всех сил впахивающие его молодежи, используя партийный авторитет? «Настоящие коммунисты» из КПРФ, уютно устроившиеся в рядах системной оппозиции, но не гнушающиеся братанием с либералами-разрушителями, «православные» сторонники беглого Стрелкова или все сразу? Или просто так звезды хитро сошлись? Так или иначе, результат «эксперимента» вполне положительный — читающая и думающая молодежь далеко не поголовно ведется на мульки настоящих «ловцов душ» и старается думать своей головой. Можно лишь пожелать ей подлинного и последовательного Пробуждения.

Марина Александрова

ДИФФУЗНЫЕ СЕПАРАТИСТСКИЕ ВОЙНЫ

За последние три года численность обучающихся в казачьих классах и группах удвоилась. Краснодарский край стал местом широкомасштабного эксперимента по массовому оказыванию школьников посредством внедрения казачьего образования

«Казачье образование» как инструмент тотального «оказывания» Кубани и обособления Краснодарского края от России

Введение в суть проблемы

В нашей газете мы уже не раз высказывали свое отношение к процессу «возрождения казачества», который начался еще в конце перестройки, до распада Советского Союза, и стремительно развивается в постсоветской России.

В этом процессе существуют две тенденции.

Тенденция № 1 (которую мы поддерживаем) — это стремление представить молодому поколению малоизвестные страницы российской истории и элементы русской традиции, показать новые образцы героического служения представителей казачьего сословия своей Родине, проводить (опираясь на эти образцы) военно-патриотическое воспитание (и обучение) молодежи.

Тенденция № 2 (которую мы категорически не поддерживаем, считаем разрушительной для общественно-политической ситуации и территориальной целостности России) — это установка значительной части казачества (в том числе отдельных атаманов, а также педагогов казачьих классов и учебных заведений, уже существующих в нашей стране) на то, что «казаки — это отдельный народ». В критическом случае — даже с претензией на «свою отдельную территорию и государственность». Наше неприятие вызывает также и негативное отношение к части «возрожденного казачества» к советской истории, основанное не столько на реальности, сколько на тех либеральных мифах, которые были созданы в перестроечное и постсоветское время.

Один из этих мифов, к примеру, повествует о «тотальном уничтожении», «геноциде» казачества. При этом либеральными мифотворцами игнорируются такие факты, как разделение казачьего сословия после Великой Октябрьской революции 1917 года на белых и красных (и существование красных казачьих воинских подразделений). Поддержка большевиков (и их деятельности по строительству нового государства) со стороны немалой части казаков. Участие казачества в Великой Отечественной войне против нашествия фашистской Германии (которую, подчеркнем, поддержала часть белого казачества).

Соответственно, эти негативные для целостности и стабильности государства установки и ложные мифы не могут не транслироваться казачьей молодежи через военно-патриотическое воспитание и обучение.

Рассмотрим вышеописанные тенденции, их развитие и опасные последствия более подробно.

В конце 1980-х годов на территории СССР (особенно в южных регионах страны) нашлось множество людей, обнаруживших в себе «казачьи корни». И в дальнейшем, в ряде случаев при участии зарубежных казачьих структур, созданных еще белоказаками-эмигрантами и находя-

Василий
Кандинский.
Казаки.
1910–1911 гг.

щихся под влиянием западных спецслужб, в нашей стране стали создаваться различные «общественные организации российских казаков». В первой половине 90-х годов процесс «возрождения казачества» в России еще выглядел как спонтанный, без наличия единого «управляющего центра». Но уже с середины 90-х российская власть взяла этот процесс под свой контроль, начала создавать реестровые войсковые казачьи общества и в результате предложила казачеству возможность несения государственной службы и какое-то место в обществе.

Как уже было отмечено выше, процесс «возрождения казачества» (в котором, повторим, участвовали зарубежные организации) в конце перестройки нес в себе две (условно) «мины замедленного действия» для подрыва российской государственности.

Первая — это распространенное (в казачьей среде) представление о том, что служивое казачье сословие, являвшееся специфической воинской прослойкой в Российской Империи, якобы есть не сословие, а «отдельный народ», наиболее сильно «обделенный» в России и не имеющий собственной компактной территории проживания и самоуправления. (Некоторые атаманы заявляют, что «казаки — это и отдельный народ, и сословие»...)

Вторая «мина замедленного действия» — это антисоветизм. И современное казачество по-прежнему существует в поле антисоветских перестроечных мифов о «геноциде казачества», «голодоморе», «жидобольшевиках», «разрушении большевиками семьи»...

О внедрении «казачьего образования» на Кубани

В 90-х вместе с процессом «возрождения казачества» возник и феномен так называемого казачьего образования. И здесь наиболее активные и далеко идущие процессы пошли на территории Краснодарского края.

В 1994 году в Краснодаре был открыт первый Казачий кадетский корпус имени атамана М. П. Бабыча. Позже открылись и другие казачьи кадетские корпуса, на-

поминающие суворовские и нахимовские училища. Стали появляться «казачьи классы» в общеобразовательных учреждениях. В 2000 году в «казачьих классах» Краснодарского края уже училось около 500 учеников. А через два года «группы казачьей направленности» появились и в учебных заведениях начального профессионального образования.

Целенаправленный курс на внедрение казачьего образования был взят еще прежним губернатором Краснодарского края А. Ткачевым. И в последние годы усилия власти и нового губернатора Кубани (с апреля 2015-го) В. Кондратьева по внедрению казачьего образования резко возросли.

За последние три года численность обучающихся в казачьих классах и группах удвоилась. Краснодарский край стал местом широкомасштабного эксперимента по массовому оказыванию школьников посредством внедрения казачьего образования в общеобразовательные учреждения. Доля охваченных казачьим образованием школьников в 2019 году превысила 14%.

Такой всплеск был связан с поручением губернатора Краснодарского края о создании с 1 сентября 2016 года во всех без исключения школах Краснодарского края казачьих классов. В результате на октябрь 2019-го общая численность казачьих классов достигла 4,5 тысячи!

К примеру, в середине декабря 2019 года часть учебных заведений Краснодарского края примет участие в регионально-просветительской акции «Казачий диктант». Среди участников — учащиеся более 4,5 тысячи казачьих классов и групп казачьей направленности средних профессиональных образовательных организаций, а также семи казачьих кадетских корпусов. По мнению организаторов, эта акция охватит более 50 тысяч человек.

Обратим внимание на то, что акция «Казачий диктант» уже второй год проводится Союзом казачьей молодежи Кубани и Кубанским казачьим войском при поддержке департамента по делам казачества и военным вопросам, министерства образования, науки и молодежной политики Краснодарского края.

И данная политика региональной власти проводится при активном участии представителей кубанского казачества.

Так, еще в феврале 2016 года вице-губернатор Краснодарского края, атаман Кубанского казачьего войска (ККВ) Н. Долуды заявил, что губернатор В. Кондратьев поставил задачу (ни много ни мало) «возродить казачий уклад жизни на территории Кубани». Для этого, по мнению атамана ККВ, нужно, чтобы в крае проживало «миллион казаков или два с половиной миллиона»... Добавим, при численности ККВ (на октябрь 2019-го) в 55 тысяч человек. Напомним также, что в Краснодарском крае (на 2019 год) проживает чуть более 5,648 миллиона российских граждан, преобладающая часть которых позитивно относится к советскому периоду отечественной истории.

И здесь необходимо кратко остановиться на позиции нынешнего атамана ККВ Н. Долуды, назначенного в ноябре 2019 года атаманом Всероссийского казачьего общества (ВКО). Ведь данная должность дает возможность влиять не только на все войсковые казачьи общества в России, но и на систему «казачьего образования», активно внедряемую, как некий «пилотный проект», на Кубани.

Новый атаман ВКО неоднократно публично заявлял (пусть и с некоторыми вариациями) о том, что «казаки — это народ».

Вот, к примеру, позиция атамана Н. Долуды, высказанная в **краевой газете «Кубань сегодня» (от 6 декабря 2012 года): «Казачество, в том числе и кубанское, — это и народ, и воинское сословие одновременно... И сегодня мы занимаемся всем, что ведет к возрождению казачества как неотъемлемой части русского народа!»**

А вот цитата из интервью Н. Долуды в «Новой газете Кубани» (от 5 августа 2015 года): **«Для меня казачество — это народ, у которого есть территория компактного проживания, уникальная культура, вобравшая в себя элементы традиций нескольких народов и этносов, самосознание и история».**

1 февраля 2017 года на портале «Кубанские новости» было вывешено интервью Н. Долуды под названием «В XXI веке идеи казачества по-прежнему актуальны», впоследствии убранное с сайта. В этом материале прозвучало и такое высказывание: **«Что такое казачество вообще? Мое видение — это особая форма государственной и социальной жизни самостоятельного народа. Именно народа и никак иначе, который патриотически настроен, для которого слова Отечество, Родина имеют глубокий смысл».**

Обратим внимание на то, что если большинство атаманов, занимающих достаточно высокие должности, пытаются быть осторожными в своих публичных выступлениях, то значительная часть рядовых казаков (при такой позиции начальства) считает (и нередко заявляет о том),

ДИФФУЗНЫЕ СЕПАРАТИСТСКИЕ ВОЙНЫ

Окончание. Начало — на стр. 13

что «казачество — это особая форма государственной жизни самостоятельного народа... которому необходима своя территория для компактного проживания». И именно эта установка являлась (и является) основной для тех, кто инициировал «возрождение казачества» в России как элемент разрушения российской государственности.

Насколько такой взгляд на казачество (как на «самостоятельный народ, претендующий на свою форму государственной жизни») утверждает в казачьих классах и учебных заведениях?

Для чего реализуются попытки «оказачивания» крупного российского региона — Кубани?

Ведь «наполеоновские» планы по расширению численности Кубанского казачьего войска в 20 или 50 раз выглядят абсурдно. Однако за абсурдными декларациями следуют конкретные действия: краевое руководство начало курочить систему образования с директивным увеличением численности детей в казачьих классах и группах.

И это, судя по всему, только начало.

18 апреля 2018 года в ходе выступления на координационном совете Союза казачьей молодежи Кубани атаман Н. Долуда озвучил шокирующие планы тотального «оказачивания» региональной системы образования: «Сейчас у нас 35 казачьих школ в крае, к концу года их будет 60. Всего в крае около 630 тыс. школьников, и из них 85 тыс. учатся в казачьих школах и классах. Но этого мало! Надо, чтобы их было 550 тысяч... Я говорю реальные вещи. Для казачьего региона не дай бог допустить, чтобы у нас не было будущего — предки в гробах перевернутся. Поэтому мы и готовим будущее Кубани».

Для обеспечения такого будущего Краснодарского края и осуществляется тотальное «оказачивание» школьников (превращение их в «этноказаков»). Вот как заявил об этом Н. Долуда в вышеупомянутом интервью «Новой газете Кубани» (в августе 2015 года): «Оно (казачье образование — прим. авт.) *предусматривает получение не только классических светских знаний, но и формирует уникальное казачье самосознание через изучение истории, традиций и культуры казаков, начиная с детского сада и заканчивая кадетским корпусом и высшим учебным заведением*».

Отметим, что родители тотального большинства школьников таким «казачьим самосознанием» не обладают. Таким образом, между молодым поколением и взрослыми создается искусственный разрыв. Зачем? Что за «будущее» создается для ключевого региона Юга России, и куда оно ведет? Чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим систему казачьего образования внимательно.

О концепции казачьего образования

Основным концептуальным документом казачьего образования в Краснодарском крае является «Концепция развития общего, начального профессионального и дополнительного образования на основе историко-культурных традиций кубанского казачества», утвержденная постановлением главы администрации Краснодарского края от 9 июля 2008 г. № 644 (далее — Концепция).

В Концепции говорится о кризисе и деградации «духовных, нравственных ценностей» в российском обществе. Преодолеть нравственный кризис среди молодежи, по мнению авторов концепции, поможет «целый комплекс средств традиционной и народной педагогики (этнопедагогика)».

Обратим внимание на то, что к внедрению в российскую систему образования термина «этнопедагогика» в конце 90-х

имел отношение доктор педагогических наук (академик Российской академии образования) Г. В. Волков.

Так, в 1999 году данный автор выпустил учебник «Этнопедагогика» (как утверждалось) «для будущих учителей», желающих познакомиться с «национально-региональной и этнической культурой воспитания», «современным функционированием народной педагогики», «этнопедагогической системой»...

Примечательно в учебнике говорилось и о некоторых целях данной системы: «Создание подлинно национальной школы — русской, украинской, татарской, якутской, чукотской, любой другой — возможно только на этнопедагогической основе... Никакое национальное возрождение, никакое воссоздание прогрессивных народных традиций невозможно без приведения в действие исконных традиций воспитания, народной педагогики».

И именно эта система стала основой казачьего образования, направленного на формирование (по выражению атамана Н. Долуды) «уникального казачьего самосознания» у молодого поколения Кубани.

Согласно определению, данному автором учебника Г. Волковым, «этнопедагогика — наука об эмпирическом опыте этнических групп в воспитании и образовании детей, о морально-этических и эстетических воззрениях на исконные ценности семьи, рода, племени, народности, нации...» При этом, по мнению автора, «предметная область этнопедагогика не остается неизменной: задачи формируются и уточняются в зависимости от изменений социального заказа, связанного с движением общественного самосознания».

То есть в данном случае социальным заказом стала необходимость создания такой системы воспитания и образования для подрастающего поколения Кубани, с помощью которой у молодежи будет сформирован, как минимум, взгляд на историю казачества, близкий к позиции отечественных белоказаков-эмигрантов (с их адресацией, например, к «казачеству — как отдельному народу» и самостоятельной «Казачьей республике»)?

В методологических принципах Концепции, принятой властями Краснодарского края в 2008 году, напрямую сказано, что «традиционная культура и этнопедагогика кубанского казачества» является «основой воспитания учащихся классов и групп казачьей направленности».

Очевидно, что природа духовного и нравственного кризиса в современном российском социуме связана с травмами, полученными в ходе перестройки и развала СССР, когда наша страна (ее лидеры и общество) отказались от собственного исторического пути, идеалов, подвига предков, а также союзников по всему миру во имя мелких материальных приобретений.

Но такой духовный и нравственный кризис невозможно преодолеть посредством этнопедагогика. Опираясь на ложные «казачьи мифы» (где утверждается, что «казаки — это отдельный народ»), а также на досоветскую традицию, нельзя выйти из сегодняшнего тупика, учитывая, что российское общество далеко ушло от традиционного общества XIX века.

Но настораживает и другое.

Сказанное в Концепции подразумевает, что в системе образования Краснодарского края будут применяться традиционные национальные принципы и приемы воспитания, естественные для населения края. Однако здесь происходит подлог, ведь современное многонациональное население Краснодарского края не идентифицирует себя с казачеством, и подавляющее большинство жителей не имеет казачьего происхождения. Сама постановка вопроса о «казачьей этнопедагогике» (а точнее, о некоей «казачьей самоидентификации») провокативна, поскольку подразумевает, что «казачество — это отдельный народ».

Получается, согласно Концепции, что региональная система образования становится инструментом распространения суррогатной этнотрадиции и идентичности.

О системе казачьего образования

Центральным звеном «этнопедагогика по-кубански» являются общеобразовательные организации Краснодарского края. Причем создается многоуровневая система. Вот что, к примеру, сказано в методических материалах к предмету «История и современность кубанского казачества» (для 10–11 классов): «Начальная ступень — это детские сады и начальная школа, за ней следуют средняя общеобразовательная школа и казачьи кадетские корпуса, следующее звено — учреждения начального профессионального и среднего профессионального образования. И завершают систему вузы».

На сегодняшний день «казачьи детские сады» не получили такого широкого распространения, как школы. Но и за них уже взялись.

18 октября 2019 года атаман Н. Долуда заявил, что ККВ совместно с краевым министерством образования разрабатывает положение о «казачьих детских садах». Пока в крае функционирует 12 казачьих детских садов, но очевидно, что в будущем их число вырастет.

За учреждения среднего профессионального образования и вузы пока еще так плотно (как за средние школы) не взялись, здесь «групп казачьей направленности» почти нет. Но Кубанское казачье войско уже заключило договоры с Кубанским государственным университетом физической культуры, спорта и туризма, а также с Московским государственным университетом технологий и управления им. Разумовского, филиал которого находится в г. Темрюк. Соглашения предполагают предоставление бюджетных мест для членов казачьих обществ, которые принимаются по целевому набору от ККВ. Однако в реальности этих мест и, соответственно, казачьих групп в вузах совсем немного.

Наиболее масштабно идеологами «казачьего образования» проработаны общеобразовательные школы и казачьи кадетские корпуса Краснодарского края. Осенью 2019 года в казачьих школах и классах обучалось порядка 94–95 тысяч школьников, а в семи казачьих кадетских корпусах проходили подготовку больше тысячи детей.

Между этими двумя «микросистемами» казачьего образования существует и своеобразное «разделение труда». По словам атамана ККВ Н. Долуды, кадетские корпуса — «это кузница будущих атаманов — образованных, современно мыслящих, дисциплинированных», т. е. лидеров возрождаемого казачества. Средняя школа, по всей видимости, призвана формировать «массовку».

Казачьи кадетские корпуса очень похожи на суворовские и нахимовские училища, но есть важное методологическое отличие. Суворовцы и нахимовцы целенаправленно готовятся для службы в российской армии. Воспитанники же казачьих кадетских корпусов в значительной степени — для пополнения рядов местного казачьего общества, которое по сути есть общественная организация, в которой часть ее членов заявляет о «возрождении» (а точнее, о «конструировании») «казачьего народа».

Ситуация абсурдна, ибо руками государства и на его деньги на Юге России создается двусмысленная квазиэтническая общность. Ситуация беспрецедентна, даже если ее сравнить с российскими национальными республиками. Ведь нигде, например, детей русской национальности «не перемывают», скажем, в татар, башкир или мордвинцев!

А здесь, на Кубани, выходит, что русских, украинских, армянских, азербайджанских, греческих детей пытаются «перекрасить» в «отдельный народ — казаков». Заливая родителям в уши елей о «патриотизме и традициях» и подавляя любое родительское и учительское недовольство!

На ниве такого лихого «оказачивания» порой возникают разного рода эксцессы.

Так, в мае 2017-го (в преддверии нового учебного года) в станице Тбилисской Краснодарского края разгорелся скандал. Глава поселения, являвшийся по совместительству атаманом местного районного казачьего общества, выругал руководство одной из школ за медленное «оказачивание». При этом он заявил, что все учителя с 1 сентября будут обязаны за свой счет шить себе казачью форму для проведения уроков. Также педагогам было поручено отобрать «лучших» детей для формирования казачьего класса (как разделить детей на лучших и худших, атаман не пояснил). При этом директора школы № 6 А. В. Еремину, высказавшую несогласие с требованием носить казачью форму, глава поселения пообещал уволить (и действительно, с 1 сентября 2017 года в школе № 6 уже был новый директор).

Отметим, что в 2016–2017 гг. на новой волне «казакизации» образования существенно обновилась его методическая база. Тогда минобром края, например, были утверждены «Методические рекомендации для образовательных организаций Краснодарского края о преподавании курсов «История и культура кубанского казачества» (1–4 классы) и «История и современность кубанского казачества» (5–11 класс) в классах и группах казачьей направленности». А также — «Рекомендации по организации обучения и воспитания в классах и группах казачьей направленности на основе историко-культурных традиций кубанского казачества».

О казачьих классах

Еще в конце 2011 года распоряжением губернатора в учебных заведениях Краснодарского края были введены «единицы для изучения истории и традиционной культуры кубанского казачества» (среда и пятница).

В соответствии с принятыми в 2016–2017 гг. методическими разработками, для получения «казачьего статуса» (для класса или школы) необходимо наличие в основной образовательной программе учебных предметов, курсов, дисциплин (модулей), включающих (еженедельно) «предметы казачьей направленности». К последним, например, относятся «кубановедение», «основы православной культуры», «история и культура кубанского казачества», «военно-спортивные дисциплины» (на основе традиций кубанских казаков), «основы государственной службы казачества».

Формально казачьи классы открываются на основании заявлений родителей, но по факту открытие казачьих классов носит характер широко развернутой и целенаправленной кампании.

И если внимательно присмотреться к содержанию некоторых «казачьих» образовательных программ и методических пособий, то возникает некоторое сомнение в том, что выпускники данных учебных заведений будут хорошо знать историю России (и ее настоящих героев). Что они будут способны в критической ситуации встать на защиту территориальной целостности страны, не впадая, к примеру, в преступный соблазн создания на территории Краснодарского края отдельного государственного образования.

О том, что имеется в виду, а также о содержании некоторых «казачьих» образовательных программ и методик — в следующем номере газеты.

(Продолжение следует.)

Станислав Филимонов

ВОЙНА ИДЕЙ

Европейская концепция прав человека сегодня в сущности превратилась в «вещь в себе», причем сегодня она, как никогда, пребывает в состоянии оторванности от классических европейских гуманистических идеалов Просвещения

Тоталитарный подход ЕСПЧ в деле «Володина против России»

Европейский суд по правам человека недавно вынес крайне важное для России решение «Володина против России» (Case of Volodina v. Russia). Его значение прежде всего обуславливается сделанными судом правовыми выводами, которые основаны на ставшей господствующей в Европе маразмирующей концепции прав человека, в частности гендерной теории. Это решение рельефно показывает, что для ЕСПЧ уже не важны какие-либо этноконфессиональные и социально-культурные различия государств, на которые распространяется юрисдикция суда. Он явно настроен на то, чтобы все государства в Совете Европы были подстрижены «под одну гребенку», то есть на абсолютную социально-культурную унификацию.

Кроме этого содержательного аспекта, пожалуй, не меньшее значение имеет и то, как именно суд выносил свое решение, какие аргументы он положил в основу итогового решения. Ведь положение ЕСПЧ совершенно уникально в силу того, что действует этот орган Совета Европы на договорной основе, то есть в той части, в какой сами государства желают этого. Всё международное право построено на компромиссах, «согласовании воли» и какое-либо принуждение категорически не характерно для подобных отношений. Однако ЕСПЧ явно претендует на нечто большее, всё чаще своими советами и даже требованиями вторгаясь во внутренние дела суверенных государств.

С содержательной точки зрения главный вывод суда в этом деле заключался в том, что в России, не желающей вводить у себя на территории «единственно верную» европейскую гендерную теорию, дискриминация женщин приняла якобы страшнейшие формы.

Особенно суд обеспокоился темой насилия в отношении женщин, принявшего, по его мнению, в нашей стране угрожающие масштабы. Кстати говоря, обосновывая этот свой тезис, ЕСПЧ не постеснялся прибегнуть к откровенным манипуляциям при работе со статистикой, благодаря чему вывод и получился столь леденящим кровью обладателей европейских ценностей. В итоге ЕСПЧ в императивной форме потребовал от России ввести в свое законодательство крайне сомнительный (а, в общем-то, весьма отдающий оруэлловским тоталитаризмом) институт запретительного приказа, поскольку уже существующее российское уголовное законодательство якобы не обеспечивает должной защиты женщин от насилия со стороны супругов.

И здесь мы подходим к главной проблеме данного решения Страсбургского суда — аргументации. Вся логика суда достаточно явно показывает, что по-настоящему разбираться в дебрях уголовной статистики в нашей стране или в особенностях реализации различных уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за посягательство на здоровье и личную неприкосновенность, он изначально не собирался. Лишь в нескольких местах достаточно крупного судебного решения ЕСПЧ попытался проанализировать официальную статистику, предоставленную российскими властями, однако сделал это довольно халатно. В остальном

же уши ангажированности этого решения торчат со всех сторон.

Прежде всего удивляет, насколько неразборчив суд к источникам информации о семейно-бытовом насилии в России, которые он использовал в своем решении. По сути, главными среди них стали отчеты и доклады неправительственной организации Human Rights Watch, беспристрастность которой к России весьма и весьма небезусловна, доклады специального докладчика ООН, причем почему-то, прежде всего, за 2004 год, а также признанного в России иностранным агентом и неоднократно попадавшего на грубых подтасовках центра «АННА».

Например, суд ссылается на то, что российские власти в 2004 году признали тот факт, что «14 000 женщин ежегодно гибнут от рук своих мужей или других членов семьи». Однако истоки этой информации лежат еще в ежегодном докладе России в комитете ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин, который был сделан в 1999 году! Совершенно непонятно для чего суд вообще приводит эти данные. Мало того, что на момент рассмотрения дела они уже критически устарели и ситуация в стране сильно изменилась. Вместе с этим и сами данные подаются в искаженном виде, поскольку цифра в 14 000, согласно официальной статистике, в свое время касалась числа всех погибших женщин в течение года по самым различным причинам.

Вместо того чтобы попытаться актуализировать данные, которым почти 20 лет, ЕСПЧ не стесняется строить свои выводы на подобном неактуальном материале. А это, в свою очередь, показывает, что имеющаяся у суда статистика банально подгонялась под уже predeterminedный вариант решения.

Поражает близорукость суда при исследовании официальной статистики, предоставленной российскими властями. Так, ЕСПЧ пришел к выводу о том, что «в период 2015–17 годов женщины составили от 67% до 74% всех взрослых жертв зарегистрированных преступлений, совершенных в семье или домашнем хозяйстве».

Суд здесь провел крайне недобросовестный анализ, поскольку статистика ГИАЦ МВД (которая, видимо, и была представлена) дифференцирует данные о пострадавших в семье женщинах по субъекту, который причинил вред. Очевидно, что женщины могут пострадать в семье не только от рук супруга, но и от любых родственников, как ближних, так и дальних. ЕСПЧ в подобные тонкости не вникает, по всей видимости, лишь потому, что иначе данные не получатся столь удручающими.

К примеру, согласно данным ГИАЦ МВД РФ, в 2015 году в России было зарегистрировано 382 809 потерпевших по преступлениям, сопряженным с насильственными действиями. Лишь 170 667 из этих потерпевших являлись женщинами, (то есть 44%). При этом необходимо разобратся с используемой ЕСПЧ категорией «преступления, совершенные в семье или домашнем хозяйстве». Здесь ситуация на первый взгляд может показаться достаточно мрачной: из 50 780 потерпевших 36 493 являются женщинами, то есть

71,8%. Однако, если посмотреть эти данные чуть внимательнее, станет ясно, что из 36 493 пострадавших в семье женщин от рук своих супругов пострадало только 17 908 (49%). Несомненно, показатель этот достаточно велик, но он не является каким-то запредельным, как это пытается показать ЕСПЧ.

Более того, гораздо лучше обстановку с насилием в российских семьях может продемонстрировать соотношение общего количества совершенных в отношении женщин насильственных преступлений и количество таких преступлений, совершенных со стороны супруга. Из общего числа женщин, пострадавших от насильственных преступлений, лишь 17 908 пострадало в семье от рук своего супруга, то есть 10,5%! Соответственно почти в 90% случаев насильственных действий против женщин мужа были ни при чем. Налицо либо вопиющий непрофессионализм, проявленный ЕСПЧ, либо явная ангажированность и подгонка фактов под определенную версию.

В сущности, никаких серьезных аргументов в пользу версии о том, что в России процветает гендерное неравенство, а женщины серьезнейшим образом дискриминируются в части доступа к правосудию и возможности защитить себя при помощи государства от преступных посягательств, ЕСПЧ вообще не приводит. Все его выводы в этой части строятся лишь на домыслах, допущениях и крайне сомнительной информации, полученной от структур, которые просто физически не могут получить релевантные данные по обсуждаемому вопросу.

Главным здесь является то, что именно на подобной весьма сомнительной аргументации ЕСПЧ строит свой базовый вывод: Россия обязана ввести европейскую систему юридических мер, защищающих женщин от семейно-бытового насилия, в частности т. н. «запретительные приказы». Примечательно, что суд даже не пытается проанализировать специфику российского законодательства, регулирующего ответственность за причинение телесных повреждений.

ЕСПЧ безапелляционно признает недопустимым тот факт, что по ряду наименее общественно опасных статей УК РФ (например, ст. 116 «Побои») в нашей стране существует система т. н. «частного обвинения», которая предполагает, что уголовное преследование может быть начато лишь по заявлению потерпевшего гражданина и по его же заявлению может быть прекращено на любой стадии следствия.

Суд, по сути, считает, что гражданам по обсуждаемой категории дел не должно предоставляться право на примирение, которое возможно сейчас в случае, если потерпевший «заберет заявление». Не является ли такая линия ЕСПЧ скрытым продвижением вполне тоталитарных тенденций в законодательстве, когда граждан признают «несмышленными детьми», которые не способны сами разобраться в своих жизненных неурядицах, и которых государство будет насильно «делать счастливыми»?

Особое беспокойство вызывает то, что существующие ныне в России правые, меры имеют своей целью, прежде всего, сохране-

ние семьи путем возможности примирения даже при самых тяжелых межличностных конфликтах, приводящих к насилию, не опасному для жизни и здоровья, которые, к сожалению, порой случаются между супругами.

По логике же ЕСПЧ, супруги права на примирение должны быть лишены, и при проявлении любой формы насилия — а напомним, что в рамках европейской концепции прав человека такое насилие может быть не только физическим (шлепки, подзатыльники), но и психологическим или эмоциональным (словесное оскорбление, угроза домашним животным и т. д.), — «агрессора» необходимо привлекать к ответственности (даже при наличии у самой «жертвы» искреннего нежелания уголовного преследования). Страсбургский суд обосновывает это уязвимостью женщины и необходимостью особо ее защитить. Однако в его словах видится неприкрытое лицемерие, поскольку абсолютно бездоказательно женщина признается каким-то бессловесным, внушаемым существом, постоянно страдающим «стокгольмским синдромом», которое абсолютно не способно решиться на подачу в полицию заявления о привлечении к ответственности своего обидчика-супруга.

Возникает весьма комическая ситуация, когда ЕСПЧ, который по идее должен защищать права индивида от посягательств со стороны государства, требует от России, которую в Европе оголтело называют авторитарным государством, нарушающим права человека, ввести законодательство, умаляющее принцип автономии личности, то есть призывает к вторжению государства в сферу, ранее свято от этого оберегаемую.

Примечательно здесь то, что те правовые меры, которые ЕСПЧ сегодня требует ввести в России, всюду начали функционировать в Европе еще в 2007 году и соответственно за пять лет, прошедших к моменту, когда Мод де Бур-Букикио озвучила вышеприведенные данные, обстановка с насилием в Европе оставалась критической.

Вывод здесь получается весьма невеселым. Европейская концепция прав человека сегодня в сущности превратилась в «вещь в себе», причем сегодня она, как никогда, пребывает в состоянии оторванности от классических европейских гуманистических идеалов Просвещения.

Евробюрократы — а судьи ЕСПЧ относятся именно к этой касте — на сегодня полностью игнорируют тот факт, что концепция прав человека не может быть абсолютно универсальной, и что подгонять всё человечество под один «единственно верный» европейский постмодернистский формат — контрпродуктивно.

В сущности, наблюдаемые в деле «Володина против России» абсолютная безапелляционность ЕСПЧ и отсутствие у него какого-либо желания всестороннего исследования дела показывают скрытый тоталитарный характер современной постмодернистской гендерной идеологии и европейской концепции прав человека в целом.

Константин Чепрасов

РАЗМЫШЛЕНИЯ ЧИТАТЕЛЕЙ

К статье Сергея Кургиняна «О коммунизме и марксизме — 144» в № 348

Неприкосновенный хрусталь

Причин развала Советского Союза, несомненно, множество, но есть основные. Среди них — то погружение в мещанство, которое охватило население СССР в застойные годы.

В статье Сергея Кургиняна «О коммунизме и марксизме — 144» говорится о русском писателе Дмитрие Мережковском, стоявшем на крайних антисоветских и антибольшевистских позициях. Но наблюдателем он был умным и прозорливым и, по сути, предсказал развал Советского государства из-за склонности людей к мещанству.

Этот его прогноз сбился — мещанство охватило значительную часть населения в позднем СССР, и страна развалилась.

Я застал 80-е годы ребенком и помню, как взрослые были словно одержимы идеей приобретения разных «статусных» вещей. При этом поскольку я регулярно ездил к родственникам в несколько разных точек по всей стране, то мог сравнить: в деревнях это приобретательство было не так заметно, но зато в городах оно было, как сейчас говорят, «трендом».

Апофеозом этой гонки за вещами был хрусталь. По количеству хрусталя в доме оценивалось то, что сейчас называется «успешностью». Если раньше в русских домах был «красный угол» с иконами, то в позднесоветскую эпоху их место занял сервант с хрусталем.

И отношение к хрустальному было действительно трепетным, как к святыне. Даже спустя много лет в интернете ходят шутки о том, что высшей мерой разгула на каком-либо празднике было решение поставить на стол хрустальную посуду! И в самом деле, я в детстве не мог себе даже представить, что в салатник из хрусталя можно действительно положить салат.

Ну разве это не мещанство? Люди тратили не такие уж большие свободные деньги и время (а время на это тоже требовалось, потому что хрусталь нельзя было просто купить — его «доставали!») на эти абсолютно бесполезные предметы. И ладно, если бы людям хотелось украсить свой дом — но нет, это была именно одержимость. Был создан культ хрусталя! Причем хрусталя искусственного.

За сто лет до этого марксисты готовили революцию, чтобы самый неимущий класс — пролетариат — перестал страдать от нищенской зарплаты и непосильного труда. И вот в России это свершилось, рабочему классу и крестьянству создали условия, в которых они могли развиваться, овладевать знаниями, двигаться к духовным вершинам. Но именно трудовой народ тратил массу сил и средств на приобретение хрусталя, то есть на потакание самым примитивным мещанским инстинктам, которые, как оказалось, страшно живучи.

И еще одно. В наши дни, когда вспоминают о благости СССР, очень часто говорят о том, что у советских людей была уверенность в завтрашнем дне. Но не эта ли уверенность, что все благополучно и вечно будет благополучно, стала той почвой, на которой взросло мещанство, погубившее СССР?

Среди других условий, которые подталкивали граждан к омещаниванию, я главным считаю идеологический вакуум. В СССР идеологию сменила догматика. Как это ни смешно, но фраза «Марксизм — не догма, а руководство к действию» сама стала догмой. Идеология стала делом небольшой группы политиков, между тем как именно стремление народных масс понимать политические процессы и влиять на них привело к созданию Советского Союза.

Но ведь в человеке есть не только «инстинкт мещанства», в нем есть и другие, высшие, инстинкты. Не все же в СССР гонялись за хрусталем! Было много таких, кто путешествовал, изучал родную страну, занимался спортом, самообразованием, творчеством. И не в профессиональном качестве, а в свободное время. Значит, энергия в людях была, общество не было абсолютно пассивным. Да и сама «погоня» за хрусталем требовала достаточной активности — чтобы приобрести одну вещь, надо было порой приложить немало сил.

Получается, что освободившаяся энергия пролетариата, уже не тративаясь, как прежде, на выживание, оказалась, при отсутствии высшей цели, направленной на приобретательство. Партия, авангард трудящихся, не смогла (или не захотела) направить энергию трудящихся на действительно глобальные цели, а предложила им в качестве высшей «коммунистической» идеи стремление к довольству. То есть канализировала энергию пролетариата против самого пролетариата.

Но неужели это неизбежно — что благополучие приведет к гибели всякого будущего коммунистического государства, как когда-то обрушился Советский Союз? И что же такое мещанство?

По моему мнению, мещанство — это подмена стремления к высшим ценностям стремлением к материальным благам. Замена иконы хрусталем. Ведь если у человека не будет «иконы», то он начнет искать ей замену. И так уж чаще всего бывает, что первым претендентом на такую псевдоикону становится «хрусталь». И надо извлечь урок из краха СССР и понять, что благодать сама по себе задача улучшения благосостояния человеческого сообщества без высокой Идеи есть путь в глубочайшую пропасть омещанивания.

Владимир Колдин

Хрустальные бокалы для вина. Америка. 1820–1840 гг.

Газета «Суть времени» зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) Свидетельство ПИ № ФС77-50554 от 9 июля 2012 года

Учредитель: Кургинян С. Е.

Издатель: МОФ «Экспериментальный творческий центр» (Центр Кургиняна), Садовая-Кудринская, д. 22/21, стр. 1-2, г. Москва, Россия, 123001

Главный редактор: С. Е. Кургинян
Адрес редакции:
Садовая-Кудринская, д. 22/21, стр. 1-2, г. Москва, Россия, 123001
Тел. редакции: (495) 691-50-03
Отпечатано в филиале ОАО «ПФФП» «Волоколамская типография», ул. Парковая, д. 9, г. Волоколамск, Московская обл., 143600

Заказ № 03894-19
№ 356 (356) от 27.11.2019
Время подписания в печать:
по графику — 10:00,
фактическое — 10:00
Тираж 8000, цена свободная

ISSN 2500-0330

9 772500 033000